

Раушан
Байгужаева

АЗ-ТАУКЕ ХАН*

Историческая повесть

... Однажды Тауке хан спросил у соратников:

– Что нужно нам, казахам, чтобы разгромить джунгар и отбить у них охоту торговаться на наши земли?

Батыры высказали разные мнения. Кто-то говорил о том, что нужно укрепить границы, другой – о том, что надо улучшить вооружение, третий призывал беспрекословно подчиняться приказам хана...

– Все это так, – молвил хан. – Но самое главное, что необходимо для нас, казахов, – это единство. Единство – залог и основа нашей силы, наших успехов, счастья и процветания всего народа.

Без прошлого нет настоящего, без настоящего нет будущего. Такова неразрывная связь времен. Страницы истории повествуют о событиях прошлого, мирном времени и войнах, малых и больших народах, ничтожных и великих правителях. Над ними трудятся летописцы, их записывают любознательные путешественники, изучают пытливые ученые-историки. Однако нередко, в силу различных обстоятельств, некоторые страницы оказываются либо выпавшими, либо утерянными, и тогда на помощь приходят легенды и были, сказы и эпосы, предания и притчи, сохранившиеся в памяти народа.

Таукель-Мухаммед-Батыр-хан или просто Тауке хан относится к таким личностям, о которых память народная сохранила самые теплые и благодарные воспоминания. Недаром современники называли его Аз-Тауке (Мудрый Тауке). Он был вторым и последним в Казахском ханстве после своего славного предка Жанибека, удостоившимся такой высокой чести. Время правления Тауке хана называют золотым веком, когда «на овечьих спинах свивали гнезда жаворонки».

Мы держали при хане Тауке
Наше счастье в своей руке,
Были десять алашей едины,
Враг держался от нас вдалеке!

– так пелось в народной песне.

* Написано по заказу издательства «Аруна LTD» для серии «Знаменитые люди Востока».

А ведь надо сказать, что время то не всегда было мирным. Старый враг – джунгары – по-прежнему совершал набеги на кочевья и присырдарьинские города. Не давали покоя волжские калмыки. На северо-западе крепла и набирала могущество великая держава Россия. С юга, выжидая удобного момента, пристально наблюдала за событиями в казахской степи Китайская империя. Даже варившийся в собственном соку Моголистан и потерявшие былое величие Бухарское и Хивинское ханства требовали неусыпного внимания к себе.

Отбиваясь от внешних врагов, хан Тауке стремился к созданию внутреннего мира. Ему удалось упорядочить отношения между жузами, племенами и родами, примирить раздираемых междоусобными распрями султанов и старейшин родов, укрепить ханскую власть. Управлять делами хану помогали прославленные бии из трех жузов – Толе бий, Казбек бий, Айтеке бий. В урочище Культобе на берегу Сырдарьи Тауке хан вместе с биями создал законы под названием «Жеты Жаргы», что означает «Семь Установлений». По ним в течение почти двух столетий жило и управлялось Казахское ханство.

Русский историк А. Левшин восторженно называл Тауке хана «Ликургом орд казачьих», сравнивая его с законодателем древней Спарты.

МАТЬ

Султан Жангир любил вольную жизнь, ему было тесно в городе Туркестане, куда он наезжал навестить старшего брата Жанибека, который был в ту пору ханом. Жангир кочевал с семьей в долине реки Иргиз.

Начало года кабана (1635) выдалось беспокойным. До кочевий калмыков было рукой подать, и они свободно вторгались на казахские земли, разоряли аулы, уводили пленных. Однажды в глухой степи трем ойратским князьям – тайджи улыбнулась большая удача: они захватили в плен султана Жангира. Его не сделали рабом, как обычного пленника, и не продали на невольничьем рынке в Хиве. Казахского султана поместили в отдельной кибитке и держали так, как держат редкую заморскую птицу. Прислуживать ему приставили молодую женщину, а кибитку зорко охраняли два стражника. В сопровождении этих стражников пленнику позволяли гулять в пределах хотона*. Непонятно было, что собираются делать с ним калмыки. Возможно, они хотели подороже продать его своему новому правителю Эрдени-Батуру.

У князя из племени хошоут Кондулена-Убаши была воспитанница, раскосая восемнадцатилетняя красавица. Ее отец, знатный тайджи, погиб во время одного из набегов, а мать умерла от болезни. Увидев однажды Жангира на прогулке, девушка потеряла покой. Юная хошоутка, недолго думая, сговорилась однажды с прислуживающей Жангиру женщиной и заменила ее. Она призналась казахскому султану, что готова помочь ему.

К назначенному сроку были подготовлены две лошади. Накануне вечером девушка напоила стражников кумысом, насыпав в него сон-травы, и к ночи они уже спали мертвым сном. Беглецы вскочили на коней и, лавируя меж кибиток, направились прочь из хотона. Но тут их заметил делавший обход ночного караула сотник и поднял тревогу.

* Хотон – селение ойратов.

Кочевники говорят, если чему-то суждено случиться, то помогает сам Тенгри. Именно в эту ночь казахское ополчение решило вызволить своего султана. Вооруженный отряд во главе с батырами – Карасаем из рода Шапырашты и Агынтаем из рода Аргын – напал на ургу.

Так султан Жангир вернулся к своим живой и невредимый, да еще с молодой женой. Но другие султаны считали его пленение унижительным и пытались посеять среди простого народа неприязнь к нему...

Когда Тауке исполнилось пять лет, Кондулен Убаши послал к Жангиру гонца, чтобы уведомить его о своем желании «повидаться с дочерью и внуком». Жангир к тому времени стал уже ханом вместо безвременно умершего Жанибека. Кондулен Убаши привез всем подарки, самый главный из которых – темно-рыжий стригунок – предназначался внуку. Жангир-хан принял гостя с почетом и устроил по этому случаю той. В памяти Тауке остался грузный желтолицый человек с косицей на темени и добрыми узкими глазами. Дед гостил три дня. Вот тогда он и поведал Тауке о том, кто такие ойраты, «лесной народ».

– Когда-то мы жили на севере Халхи*, – начал нагаши** свой рассказ. – Потом поссорились с монголами и поселились в сибирских лесах. Потому и стали ойратами, «лесными людьми». А душа-то осталась прежней, кочевой! И потянуло нас на равнину, начали осваивать долины реки Иртыш, приозерье Зайсана. Вскорости племя чоросов стало усиливаться, их князь Хара-Хула хотел объединить племена под своей властью. Однако не всем это понравилось. И вот однажды торгоуты во главе с князем Хо-Урлюк откочевали на далекую реку Итиль*** и там образовали отдельное ханство. А хошоуты остались посмотреть, что да как дальше будет. Помер Хара-Хула, и засел на трон его сын Хотого-Хочин. Он сразу объявил, что будет всеми нами управлять, и даже имя себе громкое придумал: Эрдени-Батур. Что это означает? Вроде как Батыр-Сокровище. Наши племена еще называют «зюнгор» – левое крыло, потому что Чингисхан ставил нашу конницу в левое крыло своего войска.

– Чингисхан?! – вскричал Тауке. – Это же мой предок!

Дед и мать засмеялись.

– Верно, – кивнул дед. – Твой предок. А наши с ним предки были братьями.

Черные пытливые глаза удивленно уставились на старика.

– Значит, правду говорят, что все люди произошли от одного Адама-ата?

Дед с матерью переглянулись.

– Да, это правда, – сказала мать.

А нагаши с гордостью погладил мальчика по темени:

– Голова у него ума полна. Быть ему ханом.

Потом он продолжил свой рассказ:

– Не успел Эрдени-Батур сделаться хунтайджи Зюнгорского ханства, как сразу стал показывать свой норов. Мой брат Туру-Байху рассорился с ним, взял часть хошоутов и ушел далеко, на озеро Кукунор. Там он образовал третье ойратское ханство, так и называется – Кукунорское. – Дед вдруг опечалился: – В прошлом году мы лишились Байбагас-Батура. Он приходился мне старшим братом и был главой всего племени хошоут.

* Халха – Монголия.

** Нагаши – родич со стороны матери.

*** Итиль (Едиль) – река Волга.

– Отец, может быть, хватит, ведь он еще мал, – сказала мать.

– Нет! Я не мал! – горячо возразил Тауке и добавил: – Я уже мусульманин!

Кондулен Убаши засмеялся так весело, что косица его запрыгала.

– Ну раз большой, слушай, – продолжал он. – У Байбагас-Батура есть три сына.

Один из них, Зая Пандита, – приемный, он сейчас живет далеко, в Тибете. Большим ученым стал. Другой сын, Очирту-Цэцэн, с первых дней крепко сдружился с Эрдени-Батуром, – старый ойрат покачал головой. – Такая дружба до хорошего не доведет. Чоросы всегда славились коварством. У них – убить родного брата – что комара прихлопнуть. Что уж тут говорить о чужих. Правда, Эрдени-Батур и с хорошей стороны себя успел показать. Вот совсем недавно собрал всех ойратов и монголов, и мы приняли новый закон – «Их Цааз Бичиг»...

– Закон? А что это такое? – спросил с интересом Тауке.

– Закон – это такие правила, по которым живут люди. Вот, например, – дед задумался: – если воин отказывается идти на войну, на него надевают женскую безрукавку...

– Женскую безрукавку?! – воскликнул Тауке и весело расхохотался.

– Да. И все смеются над ним, тычут в него пальцем. Даже могут плюнуть ему в лицо...

Мальчик вдруг стал серьезным:

– Правильно! Я бы тоже такому плюнул в лицо! – выпалил он.

– Ну, довольно, поздно уже, спать пора, – сказала мать твердо.

Кондулен Убаши виновато улыбнулся:

– И вправду, заморочил я тебе голову, олененок мой...

Прощаясь с Жангиром, Кондулен Убаши уронил слезу:

– Доволен я, хан. И приемом твоим, и сыном твоим. Если позволишь, буду называть его внуком. Смышленный не по годам! Надеюсь, что названная дочь моя – преданная жена тебе. Хан, ты мне почти как зять, а это все равно, что названный сын. Предвижу я, впереди будет много войн. Но знай, я – всегда на твоей стороне.

ОТЕЦ

Тауке выехал на пригорок и стал зорко всматриваться вдаль. Сердце его беспокойно билось и мешало глазам изучать горизонт. Вчера на рассвете отец во главе десятитысячного войска вышел на джунгар. Он не взял с собой Тауке, посчитав его еще малым. До сих пор при воспоминании о том, как обряжался в доспехи его старший брат Уалибаки, горечь захлестывает юношу...

– Отец! Мне уже семнадцать! – Тауке умоляюще смотрел в лицо Жангиру.

Жангир поморщился и отложил в сторону меч. Он сидел по-турецки прямо на земле, поросшей короткой густой травой. Перед ним лежало его боевое оружие: рогатый монгольский лук из тальника, обтянутого кожей, кожаный колчан, полный стрел с четырехгранными железными наконечниками, сабля из дамасского булата, копьё с березовым древком и булава. Отец поднял глаза на сына и сказал коротко:

– Сядь.

Тауке послушно опустился рядом. Он очень любил отца, и каждое его слово было для него непререкаемо. Иногда Тауке даже не верил, что этот суровый от-

важный человек, почти не покидавший седла и управлявший целым народом, был его отцом. Пусть у него было много недругов, пусть за его спиной спесивые султаны плели интриги, пусть многие торе не признавали Жангира ханом, считая недостойным за его пленение. И даже его громкая победа в год овцы (1643 г.), после которой его прозвали Салкам Жангир – Внушительный Жангир, не успокоила их. Пусть. Но Тауке знал, пока жив этот мужественный немногословный человек, в безопасности находится не только жизнь его семьи, но и всех казахов. Однако султаны мечтали вырваться из-под власти хана, чтобы править безнаказанно каждый своим улусом и грызться между собой, подобно злобным псам. Слаще бухарского кишмиша была для них эта мнимая свобода!

Тауке с трепетом ждал, что скажет отец. Или хан. Он никак не мог понять, где в Жангире заканчивается для него отец и начинается хан.

– Да, тебе уже семнадцать лет, – произнес, наконец, Жангир. – Для своего возраста ты хорошо владеешь оружием и управляешься с лошадьёю. Но у меня нет столько сыновей, сколько их у Батыра-контайши*, – тут он печально вздохнул, – и я не могу рисковать вами обоими. Завтра кому-то надо управлять народом.

Тауке был в смятении. Получается так, что, оберегая его, как младшего, отец рискует потерять Уалибаки. Не лучше ли братьям вместе выйти на поле битвы и испытать судьбу? Но Тауке не смел больше тревожить вопросами хана. Тот вдруг притянул его к себе и на миг прильнул к бритому темени. Это была ласка из детства. Юноша не помнил, когда в последний раз хан так ласкал его.

– Не торопись, и на твою долю хватит, сынок, – шепнул Жангир, отстраняясь.

Сегодня под самое утро Тауке приснился пугающий сон. Мать умела разгадывать сны, но едва он вошел к ней в юрту, она подняла на него глаза и покачала головой, точно запрещая говорить.

– Расскажи свой сон речке, – сказала она и отвернулась.

От этих ее слов Тауке стало не по себе. Он выбежал из юрты и спустился к горной речке, которая, вспениваясь на валунах и оглашая своим шумом все ущелье, несла воды в долину. Там, постепенно успокаиваясь, она вливалась в реку Сыр. Тауке склонился над водой и стал рассказывать свой сон.

Ему приснилось, что отец мчится по полю брани на своем светло-сивом скакуне с саблей наголо. Потом вдруг превращается в черную птицу, взлетает ввысь и исчезает в небе. А конь продолжает скакать, и его дикое ржанье разносится по всей степи.

Поделившись с речкой зловещим сном, Тауке подставил голову под ледяную струю. Ему стало гораздо легче.

В большой юрте он застал обеих матерей за чаепитием. Они в один голос пригласили его за дастархан. Старшая мать протяжно вздохнула и вдруг запричитала:

– О Аллах, яви свою безграничную милость! Сохрани моего Абака, сладость очей моих! Сердце мое дрожит как горлица под тенью беркута. Неужто я больше не увижу моего ангела?

– Побереги слезы, сестра, – тихо сказала ей мать Тауке.

Старшая мать была дочерью ургенчского хана Гаипа. Обе женщины страстно любили сыновей, но по-разному выражали свои чувства. Уалибаки, которого домашние звали Абак, стоял на пороге женитьбы, но все еще находился под

* Батыр-контайши – так казахи называли Эрдени-Батура.

неустанной опекой своей велеречивой матери. Две старшие сестры Абака уже были замужем, одна – за могольским султаном Юлбарсом, другая – за бухарским ханом Абдул-Азизом. Матери редко удавалось увидеть их, насладиться внуками. Поэтому вся любовь и нежность ее доставались Абаку.

Хошоутка была сдержанной. В самые добрые мгновенья она называла сына «мой бодынг» – «мой вепрь». Могучий дикий вепрь со смертоносными клыками, которого побаивались даже барсы и медведи, был у ойратов воплощением храброго, сильного батыра...

Гнедой кунан* под Тауке не стоял на месте. Ханзада** спустился с холма и поскакал по степи. Прохладный ветер ударил ему в лицо.

В его жилах текла кровь двух кочевых народов, которые никак не могли поделить между собой эту бескрайнюю степь. А ведь аксакалы говорят, что Бог Тенгри создал Землю так, чтобы каждой твари хватило на ней места. Да и мусульманские шейхи подтверждали это.

Бешеный галоп не унимал беспокойства. Чтобы погасить его, Тауке стал думать о событии, которое наполняло его сердце гордостью. До сих пор ни один сбор степняков не обходится без воспоминания о нем.

В год овцы (1643 г.) Батыр-контайши захватил некоторые земли в южных и юго-восточных отрогах Тянь-Шаня. Это были большей частью земли алайских и токмакских кыргызов. Во главе пятидесятитысячного войска он продвигался дальше. Жангир послал гонца с просьбой о помощи к своему другу Жалантосубатыру, который был эмиром Самарканда. А сам, спешно собрав дружину, выступил на врага. Шестьсот воинов были вооружены фитильными ружьями. Тщательно продумав, отец выбрал место для битвы. Это была местность под названием Кенгир на реке Орбулак. В узком ущелье между двух горных хребтов воины по приказу хана вырыли траншею и обнесли высоким валом. Основные силы ополчения он спрятал за горой. Когда ойраты, теснясь, вошли в ущелье, на них из-за вала ударили из фитильных ружей. А потом с тыла посыпались стрелы отряда, сидевшего в засаде. Зажатые в тесном ущелье, ойраты понесли большие потери. А тут еще подоспел Жалантос-Батыр с тридцатитысячным войском. В том бою Батыр-контайши лишился почти десяти тысяч воинов и, кое-как пробив окружение, бежал.

Вот тогда и получил Жангир в народе почетное имя – Салкам. Отец и Жалантосубатыр из рода Торткара племени Алшын были большими друзьями. А после той блестящей победы дружба их еще больше окрепла. И в следующем году, когда разгорелась война между Бухарским ханством и моголами, Жангир-хан со столысячным войском влился в дружину друга.

Кондулен Убаши сдержал слово и отказался участвовать в войне против казахов. Чтобы не носить женской безрукавки, ему пришлось сражаться с Эрдени-Батуром. Дедушка в том бою потерпел поражение.

Позже он откочевал на реку Жем***.

Мысли Тауке прервал топот копыт, и он обнаружил, что снова стоит на вершине холма. Впереди, приближаясь, вился столб пыли. Тауке поскакал в сторону орды, чтобы встретить там вестового.

* Кунан – конь-трехлетка.

** Ханзада – сын хана, наследный принц

*** Жем – река Эмба.

Гонец соскочил со взмыленного коня и сообщил, что казахские войска одержали победу. Его напоили кумысом. Тауке набросил ему на плечи чапан – подарок за добрую весть. Но гонец вдруг снял его и вернул с поклоном:

– Спасибо, таксыр. Я недостоин носить такой дорогой вещи. Не взыщите... – и отвел глаза.

– Что с ханом? – упавшим голосом спросил Тауке.

Вместо ответа гонец вынул из колчана стрелу, надломил ее и зарыдал.

Это могло означать только одно: Жангир-хан погиб! Смысл страшной новости никак не укладывался в голове: отца больше нет в живых! Как после этого не верить снам? Но следующая весть оказалась чудовищней первой: Жангир был убит в поединке с семнадцатилетним нойоном Галдамой...

Когда привезли тело Жангира, Тауке накинулся на понуро стоявших батыров:

– Почему вы не уберегли хана?! Где это слыхано, чтобы хан выходил на поединок? Что, дрожали над своими трусливыми душонками?!

– Таксыр! – не выдержал Карасай-батыр, пал перед ним на колени и приложил руку к груди: – Таксыр, пощади мою седую голову, отдай мне свой гнев и выслушай меня.

– Говори! – опередил брата Уалибаки, недовольный выпадом Тауке.

– Жангир-хан был нужен не только тебе, но и всем нам, всему народу казахскому, – продолжал батыр. – Аллах свидетель, любой из нас был готов к поединку, но когда хан увидел этого калмыцкого щенка, он, как смерч, бросился на него... Теперь мы понимаем, что он летел навстречу своей гибели. Как ни больно и горько нам, но мы не в силах противостоять предначертанию Всевышнего...

– Я отомщу за тебя, отец! – вырвалось у Тауке.

– Кому ты собираешься мстить? – насмешливо спросил Абак, стоявший рядом. – Своим нагаши?

Тауке резко повернулся к нему и тут же опустил глаза. Со старшим братом надо считаться, к тому же он прав.

В шестнадцатистворчатой орде, куда шел народ соболезновать вдовам Жангира-хана, матери Тауке не оказалось. Оттуда слышны были стенания только старшей ханши: «Померкло солнце на этом небосводе, это закрылись ясные очи нашего господина! Померкла луна на этом небосводе, это господин наш покинул осиротевший дом...»

Хошоутка в своей юрте повязывала платком разболевшуюся голову.

– Мама, – сказал Тауке решительно. – Я буду воевать с калмыками!

Мать на миг замерла, потом вздохнула:

– Ты – потомок казахских ханов. Я – вдова казахского хана. Поступай так, как велит тебе твой долг, сынок. И пусть я никогда не стану преградой на твоём пути.

Гибель Салкам Жангира повергла в печаль весь народ. Только некоторые младшие ханы, султаны и торе облегченно вздохнули, радуясь тому, что больше нет над ними верховного хана.

Тауке и Уалибаки знали свою родословную – шежире назубок. Об этом Жангир позаботился еще в их раннем детстве. Стоило кому-либо из важных гостей спросить:

– Чей ты будешь сын? – как Тауке начинал звонким голосом перечислять:

– Я – сын Жангира, Жангир – сын Есима, Есим – сын Шигаю, Шигаю – сын Жадика, Жадик – сын Аз-Жанибека, Аз-Жанибек – сын Барака, Барак – сын Койыршыка, Койыршык – сын Мухаммеда, которого звали Урус-ханом, Урус хан – сын Орда-Эджена, Орда-Эджен – сын Джучи, Джучи – сын Чингисхана!

Оборвалась эта цепочка казахских ханов. Кто ее теперь продолжит? Этот вопрос был в мыслях всех.

Жалантос-батыр, приехавший на сороковины друга, оставил братьям наставление:

– Живите в дружбе. Вы – два ока, оставшиеся от Жангира. Но говорят, если бы не переносица, даже два глаза друг с другом враждовали бы. Пусть этой переносицей для вас будет народ. Ради блага его живите. Ясно, что кому-то одному из вас достанется престол отца. Тот, кто станет ханом, да будет справедливым правителем, умножающим славу предков. А другой пусть будет опорой брату и помнит о том, что дороже всех благ в мире, всех тронов – благоденствие родной земли.

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

На очередном курултае разгорелся спор.

– Сыновья Жангира еще молоды и не успели показать себя, – заявил султан Касым. – Поищем достойного среди других потомков достославного Чингисхана, мир праху его.

– Таксыр, суть человека определяется не возрастом, а делами, – возразил ему бий Анет. – Мы знаем, что оба султана помогали отцу. Даже были послами в Моголистане.

– Еще неизвестно, послами они были там или просто ездили к нагаши своего отца Жангира, родичам Абдырахим-хана, – съязвил кто-то.

– Если желаете удостовериться, в делах хана сохранились все бумаги, – произнес писарь Жангира, но его голос потонул в выкриках разгоряченных чингизидов.

Некоторые даже слышать не желали об избрании Тауке. Особенно противился султан Мади:

– У нас есть горький опыт еще с тех времен, когда казахи назывались узбеками. Ханом подняли сосунка Абулхаира. И чем все кончилось? Керее и Жанибеку пришлось спасаться в Моголистане у Есен-Буки. Развалилось могучее ханство...

– Ты что, Мади, жалеешь, что не остался узбеком? – раздался гнусавый голос торе Кошима. – Разве благодаря этому не стали казахи отдельным ханством?

Тауке, сидевший с братом на отведенном им месте, с удивлением посмотрел на Кошима: «Неужели этот сердитый торе хочет выступить за меня»? Но последовавшая за этим перепалка между двумя чингизидами дала понять, что они просто принародно сводят счеты друг с другом...

Почище батыров, которые выходят на поединок, состязались султаны и торе за трон и корону. Помимо Уалибаки и Тауке выставлено было еще два-три имени, но ни одно из них не получило одобрения большинства. Тогда стали склоняться к тому, что «нет пока воли Создателя на то, чтобы над казахами поднялся новый хан».

– Лучше быть многоголовым айдахаром, чем одноголовым бори*, – высказал заветную мечту многих султанов торе Арыстан.

* Айдахар – дракон. Бори – вожак волчьей стаи.

Его слова встретили гулом одобрения.

– Таксыр, говорят, когда много пастухов, бараны мрут от напастей, – поддел его бий Соқыр Абыз.

В конце концов, собравшиеся разделились на два лагеря, да так и не пришли к согласию. После многочасового спора было решено подождать, пока «взойдет звезда нового хана».

Год спустя опустел и трон Джунгарии: в мир предков отправился Эрдени-Батур. Титул хунтайджи и половину ханства он завещал пятому сыну – Сэнгэ, а другую половину – остальным десяти сыновьям. Однако против воли покойного отца выступили старшие сыновья – Ончон, Цэцэн и Цзотба.

Чтобы укрепить свои позиции, Ончон решил воспользоваться отсутствием верховного хана у соседей и присоединить к владениям Дурбин-Ойрата* все Семиречье.

– По коням! Калмаки напали! – этот тревожный клич вновь полетел по кочевьям, поднимая каждого, кто мог носить оружие.

– Едва успели по хану годовые поминки справить, а они опять тут как тут! Будьте же прокляты! Чтоб навек остаться вам без потомства! – проклинали в испуге женщины.

По цепочке, от аула к аулу передавались названия мест сборов. Поодиночке и группами вооруженные воины стекались к своим батырам, которые призывали:

– Поднимайся, народ! Отомстим за нашего хана Салкам Жангира! Не отдадим врагу ни пяди родной земли!

Уалибаки и Тауке тоже готовились к сражению, чистили коней, затачивали сабли, наконечники стрел и копья.

Тауке тщательно осмотрел свое оружие. Из этого лука ему завтра предстоит стрелять по живым мишеням. И самому быть мишенью для вражеских стрел.

– Война – это тебе не игрушка, – сказал назидательно брат. – Держись рядом со мной, не выскакивай. Пусть воюют сарбазы и батыры. Это их кровное дело.

– Наши предки, прежде чем стать ханами, вначале стали батырами, – возразил Тауке.

– Посмотрите на этого батыра! – насмешливо протянул Абак. – Еще усы не успели пробиться, а все туда же!

Тауке промолчал. Таков уж характер у брата, ему не привыкать.

– Батыры – главная наша сила, – упрямо сказал Тауке и добавил: – И еще – благословение биев.

– Ты в своем уме?! С каких это пор люди «белой кости» прислушивались к черни? – воскликнул заносчиво Уалибаки.

– Разве ты не помнишь из тауриха**, что мудрые правители всегда ценили тех, кому было что сказать?

Лицо Абака перекошилось:

– Так это ты у нас метишь в мудрые правители?

Тауке грустно вздохнул. В последнее время стало совсем невмоготу разговаривать с братом. Цепляется к каждому слову.

Он всегда помнил наставления батыр-ага Жалантоса. Но, видать, для его брата они оказались пустым звуком.

* Дурбин-Ойрат – Джунгария.

** Таурих – история (араб.)

На этот раз удача сопутствовала казахам. Двадцатитысячная дружина, куда входили отряды кыргызов и каракалпаков, разбила такое же по численности войско джунгар и отвоевала Восточное Семиречье. Тауке получил боевое крещение. Он не внял совету брата и с именем Жангира на устах кидался в самую гущу битвы, рубил направо и налево врагов. «Посмотрите-ка на младшего сына покойного хана, вылитый отец!» – одобрительно цокали языками батыры.

То затихая, то вспыхивая вновь, война эта продолжалась почти три года. В первом же бою казахскому ополчению удалось взять в плен зачинщика – Ончона тайджу. Калмык оказался больным оспой. Казахи вылечили его от болезни и после войны отпустили на родину.

Сэнгэ не слишком огорчился поражением своих сородичей. Он даже чувствовал в душе благодарность к казахам, ведь пленение ими главного его противника позволило Сэнгэ утвердиться на троне и взять в свои руки бразды правления Джунгарией. Он даже вознамерился заключить мир с Казахским ханством, но не знал, к кому посылать послов. «Вот ведь как получается, у каждой твари есть голова, в каждом стаде есть вожак, а у казахов нет хана. Неужто среди них не нашлось достойного?» – эти его слова, якобы сказанные одному из нойонов, достигли ушей казахской знати. Недаром говорят, что сказанное слово подобно выпущенной стреле. Взыграло честолюбие чингизидов. А бии только и ждали этого: «Позор пал на наши головы, осмеяли нас хохлатые! Получилось, как в той пословице: «Чего не хотел слушать от друга, услышал от врага».

НА БЕЛОЙ КОШМЕ

Погожим весенним днем в живописной местности под Туркестаном собрались известные султаны и торе, бии из трех жузов, именитые акасакалы – старейшины родов. Ходили слухи, что явным претендентом на престол является младший сын Жангира Тауке, показавший себя в недавних сражениях. Однако у Уалибаки было немало сторонников среди султанов.

На почтительном расстоянии стоял простой люд, в волнении ожидая исхода важного собрания. Ему тоже было не все равно, кого поднимут на белой кошме.

Жил в ту пору баксы Жаугаш. Кочевал он со своим родом из Старшего жуза в низовьях реки Талас. Слава о нем простиралась за пределами казахских земель. Бухарские и хивинские купцы, проезжая с караваном к Тоболу, частенько сворачивали в аул Жаугаша подлечиться и узнать будущее. Решили люди обратиться к нему, пусть предскажет имя будущего хана.

Возжег баксы копну душистых сухих трав и заиграл на своем выдавшем виды, прокопченном кобызе. Травы дымились, испуская пряный, дурманящий аромат, однообразная мелодия кюя убаюкивала людей. Долго ли, коротко ли играл баксы, никто не ведает о том. Но вот выпустил он из рук смычок и упал навзничь. Подобно мертвецу лежал Жаугаш, но люди знали, что тревожить его нельзя. Потом баксы открыл веки и зашевелился. Все бросились к нему. «Духи сказали, что ханом будет... Батыр». Больше ничего не говорил Жаугаш. Подивились люди его предсказанию, не было вроде среди торе султанов с таким именем. Делать нечего, вознаградили они баксы и стали с нетерпением ждать выборов.

Им по душе был султан Тауке. Частенько он выезжал в степь, сопровождаемый всего лишь двумя нукерами. Этим он походил на своего храброго, как лев, отца. И в общении с народом Тауке был прост. Не то, что его брат, Уалибаки. За тем всегда ехала целая свита вооруженной челяди. А вел он себя высокомерно, даже с биями и батырами, что уж говорить про простой люд.

Едва ли не с самого дня гибели отца Уалибаки грезил престолом. Он был уверен, что имеет неоспоримое право быть ханом. Тауке был младше Абака, а двоюродный брат Каип – совсем мальчишка. К тому же Абаку казалось, что и по материнской линии у него все более благополучно: мать его была родом из дружественного на данный момент Хивинского ханства, мусульманкой, тогда как мать Тауке происходила из вражеского племени калмыков-иноверцев. Все это прекрасно знал и Тауке, потому он не рвался на трон так неистово, как брат. Правда, все чаще его посещали разные идеи по преобразованию ханства, и он предавался им, забыв обо всем на свете.

С самого времени основания Казахское ханство не знало таких выборов. Они продолжались три дня. Но и ночью не было покоя избирателям, которые не могли уснуть, терзая себя воспоминаниями о прошедшем дне. В ушах их звучали выступления противников, кипятившие кровь и рождавшие новую речь, которую они произнесут завтра.

Да и народ порядком устал быть немым свидетелем этого затянувшегося зрелища. Но все же люди верили в предсказание баксы Жаугаша. До сих пор еще никому не пришлось усомниться в силе его ясновидения.

Воистину, нет границ мудрости народной. На всякий случай у него найдутся пословица или поговорка. Вот и к этому отыскалась подходящая: «Чему не суждено быть, за тем гнаться будешь, – не догонишь, а чего не миновать, от того убежать будешь, – не убежишь». Первая ее часть относится к Уалибаки, вторая – к Тауке.

На третий день, когда солнце поднялось над горизонтом на высоту вытянутой камчи, Тауке взглянул на брата, и ему стало от души жаль его. Бедняга сидел потный и красный и не сводил умоляющего взора со своих мучителей. Он был похож на жаждущего, который видит перед собой полный холодного кумыса тостаган*, но жестокосердные люди только дразнят его и, поднеся к самому рту, снова уносят.

Тауке с детства воспитывали в почтении к брату. Он привык уступать ему место, пропускать вперед, слушаться его во всем. Вот и сейчас у Тауке вдруг мелькнула мысль уступить Уалибаки трон. Наверное, это было бы справедливо...

Но отчего это лицо старшего брата скривилось, как от нестерпимой боли, и он закрыл голову руками?

Тауке поразила странная тишина. Все взоры были обращены к нему.

Дальше все произошло словно в чудесной сказке. Тауке повели в приготовленную для старинного обряда юрту и выкупали в молоке белой кобылицы. Затем надели на него праздничную одежду, и он предстал перед многолюдным собранием.

Это был уже не безусый юнец, а рослый джигит с приветливым и одновременно острым взглядом карих глаз. Спорившие недавно султаны и торе склонили перед Тауке голову. Это вызвало в его груди смешанное чувство удивления и гордости.

* Тостаган – деревянная чаша.

Пробежав глазами по рядам биев и баев, Тауке остановил взгляд на пестрой толпе букара*. Неужели вот этот народ будет теперь подчиняться ему и исполнять каждое его повеление? Как юному хану хочется, чтобы делал он это не из извечного страха перед владыкой, а из искренней признательности ему.

Тауке очнулся от дум лишь тогда, когда его подвели к белой кошме. По древнему обряду, установленному еще Чингисханом, Тауке трижды поднимался в воздух на белой кошме под громкие возгласы многочисленной толпы:

– Хан! Хан! Хан!

Отгремел грандиозный той по случаю выборов верховного хана. Сколько было съедено свежей конины и баранины, выпито ядреного кумыса и пенистого шубата, спето берущих за душу песен – этого не считал никто. Все от мала до велика веселились, празднуя важное событие.

Всенародное празднество омрачалось лишь отсутствием Уалибаки. Он не смог вынести того, что «птица счастья» опустилась на голову младшего брата, и уехал к своему нагаши в Хиву. Раньше дед жил в Ургенче, но несколько лет назад река Аму обмелела и отошла от города на полсотни километров. Столица древнего Хорезма была перенесена в Хиву, а ханство стало называться Хивинским.

Обида Уалибаки была так сильна, что яда ее хватило еще на два поколения. И только правнуку его Абильмансуру суждено было стать ханом казахов, знаменитым Аблаем. Но до этого ему пришлось пройти через лишения и невзгоды, сполна познать горечь сиротства и вкус хлеба «черной кости», нося прозвище Сабалак – «лохматый, неумытый».

ЗОЛОТОЙ ВЕК

С незапамятных времен степи и горы эти, реки и озера были свидетелями непрерывной череды войн и набегов, стычек и столкновений между родами и племенами кочевников. Жизнь человеческая была разменной монетой в игре сильных мира сего за власть, за обладание лучшими землями и тучными стадами. И только самые мудрые из вождей и правителей заботились о благополучии народа, потому что знали: народ – это основа рода, племени, ханства.

Молодой хан Тауке рьяно взялся за претворение в жизнь своих идей. Благо, было самое главное условие для этого – пусть относительный, но все-таки мир с соседними ханствами, занятыми каждый своим делом. Едва державшемуся на престоле Сэнгэ было не до соседей. Улусные тайджи не признавали в нем правителя, а многочисленные братья мечтали завладеть тронem. Помимо этого, нового хунтайджи тревожило укрепление власти династии маньчжуров в Китае. Даже веское имя – Цэцэн-хунтайджи, что означает «Мудрый Лев», не помогло ему.

Сыновья Байбагаса-Батура, Очирту-Цэцэн-хан и Аблай-тайджи, погрязли в жестокой междоусобице. Не смог примирить их и названный брат Зая Пандита, двадцать лет обучавшийся религиозным наукам в Тибете.

Хан Абулгази, сидевший на троне Хивы, беспрестанно совершал набеги на бухарские владения и возвращался к себе с богатыми трофеями. Успокоился он только после того, как посадил на трон сына Ануш-Мухаммеда, а сам удалился от дел, «посвятив себя покаянию и добродетели». Бухарский хан Абдул-Азиз был

* Букара – простой народ, население.

вовлечен в бесконечные усобицы между султанами, однако пока довольно прочно владел престолом Бухары. В любом случае его можно было не опасаться: жена Абдул-Азиза Казак-ханым приходилась старшей сестрой Тауке по отцу.

Россия была занята воссоединением с Украиной, введением крепостного права, подавлением крестьянских восстаний. Распыленные по границе Южного Зауралья остроги и станицы жили своей жизнью. Связь с Москвой поддерживалась через воеводу Тобольска, который время от времени докладывал царю о делах края. Рапорты его состояли в основном из жалоб на соседей – казахов и калмыков, которые нападали на русские станицы и крепости. Но приграничная жизнь во все времена была ключом. Дружно ходили друг к другу в набеги все: и приволжские калмыки, и русские, и казахи, и буряты, и джунгары. Это занятие даже превратилось в некий вид разбойничьего ремесла.

Когда случалось крупное нападение, Тауке хан сам вставал во главе своих тысяч и шел на врага. Он был умелым военачальником и отважным воином. «Наш хан – настоящий батыр!» – с гордостью говорили сарбазы. Слава батыра вскоре прочно закрепилась за Тауке. Некоторые нередко называли его Батыр-хан. Вот теперь люди вспомнили предсказание баксы Жаугаша, которое когда-то привело их в недоумение. Баксы, как всегда, говорил правду.

В гвардию личной охраны Тауке хан набрал толенгутов – сборное племя из калмыков, башкир и сибирских народов. Они не принадлежали ни к какому казахскому роду, поэтому были самыми надежными.

Как известно, благополучие кочевника напрямую связано с количеством скота и пастбищных земель.

Земли Казахского ханства простирались от реки Тобол на севере и до среднего течения Сырдарьи на юге, от реки Жем на западе и до реки Эмель, что в Джунгарском Алатау, на востоке.

Тауке хан разделил земли между тремя жузами, определил места джайлау (летовок), куздеу (осенних тебеневок), кыстау (зимовок), коктеу (весновок). Каждый род имел право кочевать только в пределах отведенных ему границ, которые зависели от численности рода, количества «очагов» и поголовья скота.

Уставший от войн народ наслаждался каждодневными радостями мирной жизни. Чаще стали проводиться тои, народные гулянья со скачками, айтысами, состязаниями борцов и играми.

Наладилась торговля. На базары присырдарьинских городов кочевники пригоняли скот, доставляли выделанные кожи, шерсть, деревянные арбы и посуду, шкурки пушных зверей, меховые шубы и шапки. Горожане продавали им и предлагали на обмен ткани из хлопка, глиняную посуду, утварь из металла, расписные шали с кистями, халаты, зеркала. Здесь же казахи из аулов покупали зерно – пшеницу, просо, ячмень.

Одним из крупных торговых центров был Ташкент. Вот уже три века казахские и узбекские ханы поочередно завладевали этим городом. Он был словно жемчужина, обладание которой является признаком силы и могущества. К тому времени Ташкент опять был в руках казахов.

Пользуясь упадком Бухарского и Хивинского ханств, Тауке хан присоединил к своим владениям еще несколько городов, стоящих в долине Сырдарьи. Среди них – Узгенд, Карасман, Сыгнак, Аркук, Сайрам, Куджан, Кумкент, Ак-Курган, Икан.

Города были окружены садами и огородами, бахчами и виноградниками, полями и пастбищами. Оседлое население пригородов занималось земледелием. Поля и бахчи поливались из искусственных каналов, выведенных из Сырдарьи, и многочисленных арыков, стекавших с Каратау. В ремесленных кварталах городов жили и работали гончары и стеклодувы, ткачи и кузнецы, кожевенники и ювелиры, столяры и строители. На главных площадях стояли мечети и медресе, лавки – дуканы и крытые базары, караван-сарай. Оседлое население городов состояло в основном из узбеков. Сам Тауке хан осенью и зимой жил во дворце в Туркестане, а весной и летом раскидывал свои многостворчатые юрты в вольной степи, на благоухающем разнотравьем воздухе.

На границах с волжскими калмыками казахи меняли лисьи и корсачьи шкурки на ситец и верблюдов. В Кульджу степняки приводили на продажу лошадей и баранов. Покупали у китайцев серебро, посуду, ткани, платья.

На Ямышевское озеро казахи приходили к русским покупать соль. Здесь часто проводились ярмарки, куда стекались и другие народы: сибирские татары, калмыки, каракалпаки, бухарцы.

Еще со времен Чингисхана чингизиды относились к степной элите и назывались «аксуйек» – «белая кость». Простые люди в разговоре не имели права называть султанов по имени, обращаясь к ним, преклоняли колена, прикладывали руку к груди и говорили «таксыр». На всех собраниях султаны и торе сидели на белой кошме. У каждого из них в подчинении был улус – несколько родов.

Другим сословием, имевшим привилегии, было мусульманское духовенство – ходжи, казии, шейхи и муллы. Их иногда называли «асыл суйек» – «благородная кость». Они несли людям послание пророка Мухаммеда и играли важную роль не только в повседневной жизни мусульман, но и в управлении ханством. Земли, которые находились в их распоряжении, назывались «мулик».

Все остальные, составлявшие основное население, принадлежали к «карасуйек» – «черной кости». Среди этого сословия только бии были наделены особыми правами. Они наряду с султанами участвовали в решении важных вопросов на ежегодных курултаях. В пределах своего рода бии разбирали разного рода тяжбы, выносили приговоры. Делали они это, опираясь на знание обычного права «адат» и предписаний шариата. Но основная их сила заключалась в прекрасном понимании обычаев и нравов народа, знании сотен пословиц и поговорок. Часто многие их изречения становились крылатыми словами и передавались из уст в уста. Были среди биев и провидцы. Помимо этого, многие бии могли с оружием в руках выйти во главе отряда на поле битвы.

Тауке хан изменил сложившуюся систему управления. Он стал выдвигать на руководящие посты снискавших признание народа биев-златоустов и народных героев – батыров, показавших чудеса храбрости в боях. Многие батыры умели не только махать саблей и разить врага, но и отличались остроумием и мудростью.

Султаны почувствовали себя ущемленными в правах, но даже им было трудно устоять перед блестящими ораторскими речами биев. Воистину, ничему так не поклонялись казахи во все времена, как метко сказанному слову.

Однако, несмотря на все предпринятые меры, Тауке хан чувствовал, что не хватает самой главной – принятия новых законов, которым подчинялось бы все население Казахии. Он возвращался к Великой Ясе Чингисхана, просматривал

Светлый путь Касым хана, Проторенный путь Есим хана, изучал Их-Цааз-Бичиг калмыков и думал над тем, как вывести из этих степных законов разных времен новые, с учетом сегодняшнего дня.

Для осуществления задуманного хан искал надежных людей из числа биев. Но пока не было среди них ярких личностей, о которых в народе говорят: «се-ребряное небо».

ВОСХОЖДЕНИЕ ГАЛДАНА

Тем временем, гримасничая, подоспел и год проказницы-обезьяны (1668). Войска Сэнгэ вторглись в Восточный Туркестан. Хан Юлбарс, приходившийся другим зятем Тауке, был смещен. На его место Сэнгэ посадил султана Абу Саида, младшего сына хана. Власть над Кашгарией фактически перешла в руки джунгарского правителя. Но ненадолго. Два года спустя сводные братья Цэцэн и Цзотба убили Сэнгэ.

В момент убийства его родной брат Галдан находился в урге – ставке хошоута Очирту-Цэцэн хана. Галдан с детских лет был отдан на обучение в столицу Тибета Лхасу. Получив черную весть, Галдан с разрешения Далай Ламы Пятого снял духовный сан хутухты (святого) и при поддержке хошоутов расправился с убийцами, отправив их к праотцам вместе с детьми. Разделался он также и с другими противниками – дядей и двоюродным братом.

В Китае укреплялась власть маньчжурской династии цинов. Император Айсингирио Сюань Е правил под девизом «Канси»: «лучезарное и процветающее». Таким он хотел видеть свое государство. Но прыткие ханы вроде Галдана могли помешать ему в этом, поэтому Канси, как называли его многие государи, зорко приглядывался к джунгарскому правителю, нащупывая его слабые стороны.

В Приволжском ханстве калмыков после смерти отца Мончака пришел к власти молодой Аюка, внук Хо-Урлюка. С первых же дней он показал себя умным, хитрым и дальновидным правителем. Прежде всего, он усмирил своих многочисленных родичей, которые с надеждой поглядывали на трон. Затем ястребом набросился на Аблая-тайджи, спасавшегося на реке Жаик (Урал) от Галдана. Аюка разбил его войско и взял самого в плен.

Победоносно оглядевшись, молодой хан совершил набег на казахские кочевья. Его конница молниеносно атаковала мирные аулы. Поднявшееся ополчение казахов не смогло отразить ее нападение. Аюка вернулся к себе с богатой добычей, которая состояла в основном из скота и пленных. Но для императора Канси он не представлял опасности, потому что принял подданство русского царя и поклялся служить ему до скончания своих дней. А Россия вела себя по отношению к Китаю осторожно. Ее привлекала эта богатая загадочная страна, но она была слишком огромна, чтобы тягаться с нею.

Все эти события свидетельствовали о том, что спокойствию наступает конец. Мудрецы говорят: «Ничего не вечно под этой луной».

В Бухаре сцепились в борьбе за престол аштарханиды* – братья Абдул-Азиз хан и Субханкули. Тауке хан решил помочь зятю Абдул-Азизу. Кроме того, хан

* Аштарханиды – династия астраханских ханов, потомков Тука-Тимура, сына Джучи, пришедших на смену шайбанидам, потомкам другого его сына, Шибана.

понимал, что в таком важном торговом центре, как Бухара, ему всегда нужен свой человек. Он помогал бухарскому хану военной силой.

В отличие от своего предшественника, Галдан не собирался, завладев трон, почивать на лаврах. Ярый приверженец ламаизма, он стремился объединить под своей властью ойратов и монголов Халхи, пока коварный интриган Канси не прибрал их к рукам. Сначала Галдан отнял владения у хошоутов, кочевавших к востоку от реки Талас, затем напал на Очирту-Цэцэн хана, который был верным соратником его отца, Эрдени-Батура. Войско Очирту-Цэцэн хана всегда шло в авангарде джунгарского войска. Это его сын Галдама лишил казахов вождя, убив в поединке Жангира. Позже тот же Галдама, защищая границы Дурбин-Ойрата, разбил 38-тысячную армию бухарского полководца Абуду Шукура.

Теперь сын Эрдени-Батура решил «заплатить по счетам» этой семье.

Земли Очирту-Цэцэн хана лежали в юго-западной части Халхи, от Ордоса до Кукунора. Галдан разбил ополчение знаменитого хошоута, а самого убил. При известии об этом, Тауке хан вспомнил слова Кондулена Убаши: «Такая дружба до хорошего не доведет». Дед оказался прав...

Хан Моголистана Исмаил изгнал из страны смутьяна Ходжу Апака. Тот отправился в Лхасу искать защиты у «иноверцев». Далай Лама передал через него письмо Галдану, в котором просил восстановить права Ходжи Апака в Яркенде и Кашгаре. Истинный слуга «желтого учения» Галдан вмиг сообразил, что от него требуется. Он напал на Исмаила, посадил на трон Ходжу Апака, а в Кашгаре назначил хакимом его сына Яхью. Исмаила Галдан увел в плен, и Моголистан фактически стал вассалом Джунгарии.

За победу над «неверными» в Восточном Туркестане Далай Лама Пятый пожаловал Галдану ханский титул и имя Галдан-Бошокту, что означает «благословенный». Это был первый из чоросов, получивший титул хана.

Окрыленный успехами, Галдан решил присоединить к своим владениям при-сырдарьинские города, стоящие на важных торговых путях.

ВОЛКИ И КОРСАКИ

Тауке хан возлежал на высоких подушках и, прикрыв веки, слушал кюй. Кобызист, раскачиваясь, водил смычком по струнам древнего инструмента, извлекая из него протяжные звуки. Вот слышится хану, будто плачет верблюжонок, отставший от матери, а то вдруг раздастся предсмертный клекот раненой птицы. Неясная тревога закрадывается в душу хана. Но власть музыки так сильна, что он не в силах махнуть рукой, чтобы отослать музыканта.

Вошел толенгут и сообщил:

– Алдияр, едут послы от Калдан-Бошокты хана.

Тауке хан вскинул брови. Что бы это значило? Не нравился ему этот Калдан, который пер направо, оставляя за собой кровавый след.

Пока в двадцатичетырехстворчатой орде, где Тауке принимал обычно послов и проводил мажилисы, собрались бии, батыры и султаны, подъехало посольство джунгар из шести человек.

Богато разодетые послы вошли, сияя, как начищенные медные тазы, раздавая направо и налево поклоны. Их поведение сразу насторожило всех.

Когда обменялись приветствиями и расселись, Тауке хан, восседавший на троне в расшитом позументом бархатном чапане и раздвоенном высоком колпаке, сказал:

– Давно не встречал я таких дорогих гостей. С добром ли прибыли к нам?

Сидящий в центре зайсан* с жидкими усами чинно поклонился и начал свою речь:

– О великий хан всех хасакских улусов! Слава о тебе вышла за пределы твоего ханства, как река Иртыш выходит из берегов. Надежда ойратов солнцеподобный Галдан-Бошокту хан велел передать тебе низкий поклон и такие слова: два народа могут жить в согласии, когда у них близкий язык. Но если они говорят и не понимают друг друга, то на помощь может прийти вера. – Посол набрал в легкие воздуха и прожурчал:

– Опора Дурбин-Ойрата и Лхасы Галдан-Бошокту хан предлагает хасакам принять желтую веру и обещает им за это вечный мир.

Зайсан умолк и снова поклонился. Когда толмач закончил переводить его слова, воцарилась звенящая тишина. Потом разом заговорили султаны и батыры.

– Что говорит этот хохлатый?!

– Как только Всевышний не покарает их?!

– Связать их надо и запереть! Пусть там помолятся своему богу.

– Говорят, у них и бога-то нет. Они молятся своему Талай-ламе.

Тауке хан, без толмача понимавший, о чем говорит посланник, был не меньше своих подданных оскорблен предложением джунгарского правителя. Но виду он не подал. Подняв руку, хан призвал расшумевшихся к тишине и медленно оглядел послов.

Те поежились и взглянули на своего предводителя. Он сидел с непроницаемым лицом, на котором застыло благодушное выражение.

– Иногда не то, что два народа, два брата не могут найти общий язык. И даже вера не в силах помочь, ни желтая, ни красная. Разве не так? Ваш солнцеподобный хан пришел к трону по трупам своих братьев. А теперь предлагает нам свою желтую веру и обещает дружбу. Как я могу доверять ему?

Казахи закивали головами в знак согласия со своим ханом:

– Верно! Правильно!

– А теперь послушайте притчу, – произнес Тауке хан. Его приближенные с удовольствием переглянулись: хан был острословом и хорошим рассказчиком. – Как-то лиса и волк решили подружиться. Лиса говорит волку: «Похожи мы с тобой, как брат и сестра. Только вот шкура у тебя серая, а у меня рыжая. Но дело это поправимое. Когда шырگانак** поспеет, я наберу ягод, а ты поваляйся в них, и будем мы с тобой совсем одинаковыми». Волк послушался ее, повалялся в ягодах шырғанака и ... превратился в корсака.

Все засмеялись. Даже лица джунгар растянулись в кислой улыбке.

Тауке хан вперил в главного посла свой рысий взгляд:

– Так что, мырза, передай своему солнцеподобному хану, что нет у нас никакого желания превращаться из волков в корсаков... В священном Коране написано, что каждый миг шайтан искушает человека. Ваш приход – всего лишь одно из его искушений.

* Зайсан – княжеский титул у джунгар.

** Шырғанак – облепиха.

САЙРАМСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Галдан был взбешен ответом, который принесли ему послы от казахского хана.

В том же году курицы (1681) ойратская армия во главе с правителем вторглась в Семиречье и долину Сыра. Тауке хан предвидел, что его слова вызовут подобную реакцию, но предполагал, что Галдан решит первым делом отомстит казахскому хану за дерзость и нападет на его ставку в Туркестане. Поэтому он укрепил все сторожевые посты города, собрал войско у городских стен и приготовился дать отпор.

Но хитрый Галдан-Бошокту поступил иначе. Стремительно продвигаясь вперед, джунгары прошли через все Семиречье, преодолели реки Чу и Талас, достигли Арыси и окружили Сайрам. К этому времени после недолгой осады джунгарами были взяты города Тараз, Шымкент, Карасман, Сыгнак, Манкент. Ташкентцы, которым, видимо, было все равно, кому подчиняться, сдались без боя. Жители же Сайрама грудью встали на защиту родного города и в тяжелом бою отстояли его. Галдан отступил и занялся переносом своей ставки с Иртыша на реку Или при впадении в нее притока Текес. Отдохнув и восстановив силы, в следующем году джунгары снова атаковали Сайрам. На этот раз им удалось сломить сопротивление жителей. Галдан оставил в городе наместника с вооруженным отрядом, а сам ушел.

В год мыши (1684) жители Сайрама восстали против власти Галдана, убили наместника и перебили отряд.

Получив известие о том, что несметные полчища джунгар, как саранча, надвигаются на Сайрам, Тауке хан собрал войско и отправил его на защиту города. Командование им он поручил сыну Гаипу.

Осада города продолжалась несколько дней...

Утро выдалось ясным. Казалось, ничто не сулило дурных вестей. Взбодренный видом сада, облитого первыми лучами солнца, Тауке хан с надеждой посмотрел вдаль. Отсюда, с высокой террасы, взору открывался древний город. Старые и новые постройки перемежались друг с другом, вспыхивали позолотой или яркой синью купола мечетей и медресе. Выше всех возвышался мавзолей Ходжи Ахмеда Яссауи, построенный по велению знаменитого Тимура. У стен его покоились многие предки хана, в их числе дед Есим и отец Жангир. Еще дальше виднелась городская стена со сторожевой башней. От восточных ворот города, постепенно уклоняясь на юг, уходила дорога в сторону Сайрама. Как он там, отважный город? Удастся ли ему устоять и на этот раз?

Из раздумий Тауке хана вывел какой-то шорох. Хан обернулся и увидел толенгута. По лицу его он понял, что пришла весть, но какого она была содержания, угадать ему не удалось.

– Ну что? Говори! – нетерпеливо спросил хан.

– Алдияр! Тут пришел человек из Сайрама.

– Что же ты топчешься? Зови!

Вид вошедшего без слов поведал хану о самом главном: Сайрам пал. Сердце Тауке сжалось. Грязный, с запекшейся кровью на обмотанной вокруг головы повязке, сарбаз бросился на колени:

– Пощади, мой повелитель!

– Говори!

– Калдан взял Сайрам, перебил почти всех жителей, остальных увел в плен...

– сарбаз в страхе умолк.

– Что дальше, душа твоя заячья! – в сердцах воскликнул хан.

– Пощади, таксыр! – взмолился сарбаз и пролепетал: – Султана тоже взяли...

Придя в себя от услышанного, Тауке хан заставил сарбаза рассказать о трагедии, которая произошла в Сайраме. Осмелевший, что остался безнаказанным за дурную весть, воин поведал:

– Калмыки окружили город и стали стрелять из своих шайтановых пушек. Пока они ставили их, мы, сколько могли, побили сукиных детей из стрел. Но эти пушки, таксыр, им место только в преисподней. Летят эти огромные чугунные ядра из их горла, и нет им конца. Кругом грохот, огонь, стены рушатся, словом, настоящее светопреставление. Калдан прямо озверел, будто этот Сайрам отцу его задолжал.

Хан слушал, не прерывая, и сердце его наполнялось бесконечной болью. Временами он ловил себя на желании залить рот этому словоохотливому сарбазу свинцом, как когда-то собирался поступить его предок с тем, кто принесет весть о гибели сына. Но хан продолжал пить чашу горького, как отраву, рассказа. Ему надо было выпить ее до дна.

– Жители города, я вам скажу, очень храбрые люди оказались. Как муравьи, тащат и тащат на стены камни и кувшины с маслом. Чего мы только не бросали на головы проклятым: и камни, и горящие тюки, и масло лили, а потом горящие стрелы пускали... Эх, мой повелитель, – печально вздохнул рассказчик. – Вот если б встретиться с этими кровопийцами в вольной степи, славная была бы сеча: хочешь – стреляй из лука, хочешь – копьём коли, а то можно палицей огреть по башке.

– Хватит болтать! – оборвал хан. – Что было дальше?

Сарбаз испуганно моргнул и продолжал:

– Наконец, имам Сайрама поднял белый флаг и вышел навстречу калмыкам. Ворвались они в город, как смерч, и давай все крушить. Уж тут-то мы показали им, как можем драться. Да больно мало нас осталось к тому времени. Если б не мой тумар*, который мать дала, гнить бы мне там сейчас вместе с другими батырами.

Поймав грозный взгляд хана, сарбаз опять замолчал.

Из дальнейшего его рассказа Тауке хан узнал, что джунгары ушли из разоренного города, ведя за собой верблюдов и лошадей, груженных всяким добром. Помимо этого они увели в плен самых лучших ремесленников.

Вскоре Галдан прислал ему бумагу, в которой уведомлял о том, что султан отослан им к Далай Ламе, и находится там в добром здравии. Это было похоже на издевку. Ханым радовалась тому, что сын цел и невредим, Тауке же был уязвлен в самое сердце. Проклятый плен... Когда-то Жангир хан испытал на себе унижение пленом. Теперь этому испытанию подвергся его внук. Но если Жангир был здесь, рядом с родными кочевьями, то ханзада находился на краю света, в самом логове желтошапочников. Каково ему там? Мысль о том, что ламы могут обратить султана в свою веру, не давала покоя Тауке.

* Тумар – талисман.

ТРИ БИЯ

Пока Галдан завоевывал города в долине Сыра, началась борьба за власть между халхасскими ханами. Все внимание Галдана обратилось в ту сторону. В наступившей передышке Тауке хан решил осуществить задуманное.

В последнее время все чаще на слуху были имена трех биев – Толе Алибекулы из Старшего жуза, Казыбека Кельдибекулы из Среднего жуза, прозванного за звонкий ясный голос Каздаусты*, и Айтеке Байбекулы из Младшего жуза. Слава о них уже гремела по аулам и городам. Самым старшим и образованным среди них был Айтекебий, внучатый племянник Жалантос батыра. Он закончил медресе в Самарканде.

Тауке хан решил испытать их и пригласил к себе в орду.

Они явились в назначенный день и, совершив обряд приветствия, заняли места на искусно сшитых ярких плюшевых одеялах, постеленных поверх узорчатого персидского ковра.

– Велика наша земля, а все ее мало, потому что первое наше богатство – это скот, – начал хан издалека. – А чем больше скота – тем больше нужно пастбищ. Тут еще калмыки одолели. То Аюка с запада наскочит, то Калдан – с востока. Каждый норовит кусок урвать. Кто землю защитит? Народ и батыры. Но не хотят этого признавать некоторые торе, все о своем благе пекутся... – хан грустно вздохнул и продолжал: – Деды наши говорили: «Опора земли – гора, опора хана – бек». Вчерашние беки – это сегодняшние бии. Врага можно взять и алмазным мечом, и острым словом. Если вы можете решать самые запутанные тяжбы, то почему бы вам не быть мне правой рукой в управлении народом?

Все три бия молча приложили руку к груди и поклонились хану в знак признательности.

– Есть у меня одна задумка, но прежде, чем рассказать вам о ней, хочу испытать вас на красноречие. – Хан помолчал, собираясь с мыслями. – Кто первый должен говорить, когда выносятся решение суда: вначале старший по возрасту, а затем помоложе или наоборот?

Первым по-старшинству своего жуза взял слово Толе-бий. Он происходил из рода Жаныс племени Дулат.

– Мой повелитель, человеку, стоящему внизу, трудно увидеть, что творится на вершине горы. Тому, кто стоит на склоне, уже кое-что откроется. Однако только тот, кто стоит на самой вершине, может обозреть все четыре стороны света, увидеть то, что находится у подножия, и то, что растет на склонах.

Казбек-бий из племени Аргын начал своим звонким голосом:

– Таксыр, старший по возрасту не может быть справедливым судьей, так как нет впереди того, кого бы он мог уважить. Младшему тоже не дано быть справедливым бием, ибо позади него нет тыла. Поэтому я считаю, что истинно справедливое решение может вынести средний по возрасту, ибо впереди есть уважаемый им старший брат, а позади – уважающий его младший брат.

Когда настал черед говорить Айтеке бию из рода Торткара племени Алшын, он сказал коротко:

– Ваша светлость, если есть младший брат, который может встретить-приветить, лошадь привязать, разговор завязать, уважить, отдыхом одарить, –

* Каздаусты – дословно: гусиноголосый.

разве не останется старшим братьям лишь наслаждаться жизнью, предоставив младшему управлять делами?

Тауке хан остался доволен ответами биев и поведал им о своем давнем желании создать новые степные законы.

На холме Культобе, что неподалеку от Туркестана, несколько дней подряд встречались бии во главе с Тауке ханом, составляя новые законы Казахского ханства, которые были названы «Жеты жаргы» – «Семь установлений». С тех пор бытует в народе поговорка: «На Культобе – каждый день совещание». Кроме биев трех жузов в этом важном деле принимал участие мудрец Анет-баба. Кыргызов представлял Кокым бий, каракалпаков – Сасык бий, курама* – Мухаммед-бий.

Много было высказано разных предложений и выслушано мнений. Как из рога изобилия, сыпались поговорки и пословицы, крылатые изречения и притчи.

И вот наступил, наконец, день, когда новый свод законов ханства был принят. На Культобе по зову глашатаев собрался народ. В первых рядах восседали на белых кошмах султаны и торе. На узорчатых коврах – сырмаках и текеметах – было отведено место для биев и баев. Простой народ – шаруа – сидели и стояли поодаль. На самой вершине холма под шатром находился сам хан Тауке с главными биями. Казыбек-бий звонким голосом, который доходил до самых последних рядов, начал читать статьи «Жеты жаргы». Статей было тридцать четыре, они объединялись в семь «жаргы» – установлений. Но собравшиеся на едином дыхании выслушали их.

Велико было воодушевление людей, все поздравляли друг друга, благодарили хана и составителей законов. Народ чувствовал, что надвигаются смутные времена, и в ханстве, как никогда прежде, нужна упорядоченность и подчинение правилам. Нельзя сказать, что все были единомышленны. Некоторые султаны считали, что они ущемлены в правах, но их недовольство потонуло в общем одобрении.

Старейшины родов донесли до остального населения Казахии весть о новых законах.

Как и подобает, это большое событие было отмечено народным тоем.

После грозных событий последнего времени людям хотелось развлечься и забыть о невзгодах. Акыны разных возрастов старались перепеть друг друга в айтысах. Девушки и джигиты раскачивались на качелях алтыбакан. Вспомнили даже игры кок-бори (серый волк) и кыз-бори (волк-дева). Всадники пытались стянуть друг друга с коня. Стрельцы состязались в стрельбе в золотой диск (алтын-кабак). Пожилые, собравшись в просторных юртах за богатым дастарханом, вели мудрые беседы.

ЖЕТЫ ЖАРГЫ

Вот первый, решающий в нашей судьбе

Закон о земле, что досталась тебе.

Пусть алчный сосед, вымогатель иль рать

Попробуют землю твою отобрать!

* Курама – ташкентские казахи, остатки племен катаган, джайлган и других.

Второй – о домашних семейных делах,-
Исполнить его – да поможет Аллах!

О третьем законе пусть ведают те,
Кто вырос в бесчестье и барымте.

Вражду родовую, рыдания, стон
Надежно потушит четвертый закон.

Нас пятый закон защитит от врагов,

Шестой и седьмой – право слабых и вдов!

Так воспел в своей поэме законы «Семь Установлений» акын Казангап Байболулы.

Управление ханством было поручено Совету биев. Он решал тяжбы и споры между тремя жузами. Основные его решения имели силу закона. Отсюда пошла поговорка: «У хана мудрость сорока людей». Особо важные решения Совета биев выносились на Ханский совет.

Законы были составлены на основании обычного права казахов «адат» и предписаний шариата. Были учтены прежние законы: Великая Яса Чингисхана, Светлый Путь Касым-хана и Проторенный Путь Есим-хана.

«Жеты Жаргы» ввел ежегодные осенние сборы руководителей всех племен и родов – курултаи. Принимая решение, участники курултая голосовали и клялись оружием. Безоружный не имел права голоса. Совет биев утвердил родовые знаки. Каждый род имел свой знак – тамгу. Он являлся гербом рода.

Казахский хан объединил под своим началом не только свои жузы, но и некоторые рода кыргызов и каракалпаков. Теперь население Казахии состояло из шести частей – Алашей: Старший жуз, Средний жуз, Младший жуз, кыргызы, каракалпаки и курама. Из Среднего жуза Тауке хан выделил семь слабых и малых родов и передал их Младшему жузу. Это племя получило название Жетыру – Семь Родов.

Забота о здоровом потомстве заставила создателей «Жеты Жаргы» ввести статью, в которой запрещались браки состоящим в родстве до седьмого колена. Вступление в брак позволялось с тринадцати лет. Часто родители еще в детстве сватались друг к другу. Дети росли, уже зная о своем будущем. Девушек приучали уважать будущую родню. За помолвленную девушку обязательно надо было выплатить калым. Размер его зависел от возможностей жениха: 27, 37, 47 или 77 лошадей. Если молодые поступали против воли родителей, возникал скандал. Укравший помолвленную девушку джигит должен был выплатить ее родителям двойной калым.

Согласно шариату, жена могла развестись с мужем, если он трижды произнесет слово «талак». Но овдовевшая женщина не имела права покинуть семью мужа. Здесь действовал закон аменгерства. «Можно уйти от мужа, но из рода не уйдешь», – гласила пословица. Вдова могла выбрать нового мужа среди близких родичей покойного.

В каждой девушке казахи видели будущую мать, поэтому надругательство над девушками и женщинами каралось очень сурово.

За различные виды преступления наказывали тремя способами: смертной казнью, выкупом и публичным позором. Закон из Великой Ясы Чингисхана: «око за око, кровь за кровь, жизнь за жизнь» хоть и был принят, часто заменялся выкупом, который назывался «кун». За убийство мужчины полагалось выплатить тысячу баранов, женщины – пятьсот. Жизни торе и ходжей ценились гораздо выше. Выкуп за них возрастал семикратно.

За убитую охотничью собаку или беркута хозяин мог потребовать даже невольника или невольницу, в основном, из пленных.

«Конь – крылья джигита», – говорят в народе. Поэтому кража спутанного коня с пастбища считалась тяжким преступлением, и в военное время за это карали даже смертной казнью. В мирное же время такая кара полагалась за кражу чистокровного скакуна, приносившего хозяину дорогие призы на скачках.

Айтеке-бий предложил ввести дополнительные выкупы: «кун на искусство» и «кун на кости». Первый был введен за убийство акынов, полководцев, знаменитых борцов, ораторов, биев, ученых людей, народных умельцев. Казахи высоко ценили и почитали одаренных, «отмеченных Богом» людей. Поэтому кун выплачивался в двойном размере, как за убийство двух простых смертных. Здесь сословие не имело значения. «Кун на кости» обязан был выплатить убийца, который скрыл следы преступления, и родные не смогли предать земле покойного.

Но больше смертной казни казахи боялись третьего вида наказания – наказания бесчестьем. Наиболее тяжким считалось изгнание из рода. На виновного надевали чапан изнанкой, на шею вешали кусок грязного войлока, лицо вымазывали сажей, копотью, сажали задом-наперед на корову или осла и возили по аулам. Люди издевались над ним, избивали плетью, плевали в лицо. Такого наказания заслуживали те, кто оскорбил словом или побил родителей, старых людей.

Богохульника, слова которого слышали семь свидетелей, забрасывали камнями. Имущество того, кто перешел в другую веру, отнималось и делилось между его родичами. Самоубийцу хоронили отдельно, в стороне от общего кладбища.

Любое воровство возмещалось в двадцатисемикратном размере (трижды по девять). За кражу скота вор должен был добавить к девяти верблюдам одного пленного, к девяти лошадям – одного верблюда, к девяти овцам – одну лошадь. Сто верблюдов равнялось тремстам лошадям или тысяче овец. Если жена и дети знали о воровстве, которое совершил глава семейства, они к ответственности не привлекались, так как по адату они не имели права доносить на кормильца. В случае, когда вор отказывался выплатить кун, то по решению биев пострадавший мог совершить барымту* и в течение трех дней после этого оповестить вора о ней. Если ненароком он угонял лишнее количество скота, то обязан был вернуть излишек. Это называлось сырымта. Чтобы отличать свой скот от чужого, поголовье клеймили родовой тамгой.

Ответственность за преступления умственно отсталых, рабов и невольников несли их родичи и хозяева.

Решения биев принимались открыто, гласно. Если спорящие стороны до тяжбы прекращали дело, это называлось «бытым». Обоюдное прощение носило название «салауат». Когда дело решалось путем обмена или купли-продажи, говорили: «береке, айырбас». Межродовые тяжбы, споры и столкновения – «жугыныс»

* Барымта – угон скота.

– разбирала целая группа биев. В спор привлекался нейтральный судья – «ара бий». После вынесения решения ара бий вручал спорящим концы пестрой нити и торжественно разрезал ее посередине.

По приказу Тауке хана по степи были построены дозорные башни на расстоянии пяти-десяти шақырым* и высотой около десяти кулашей**. При появлении врага на башне поджигали кучу навоза. Столб дыма служил сигналом для срочного сбора воинов. Мужчина, который мог носить оружие, обязан был по кличу «Аттан!»*** спешно надеть доспехи, вооружиться пятью видами оружия – «бес кару» – и иметь при себе запасного коня.

Столица ханства город Туркестан должен был иметь собственный гарнизон, состоящий из восьмидесяти тысяч воинов. Во главе его был избран батыр Акша из рода Канжыгалы.

Каждая казахская юрта обязана была принять вестового с ханским приказом или решением биев, накормить его и, если потребуется, заменить коня.

Как главный защитник ханства, верховный военачальник и судья, хан имел следующие права:

- Распоряжаться всеми землями ханства;
- Объявлять войну и заключать мир;
- Вести переговоры с иностранными государствами;
- Казнить или миловать подданного;
- Издавать законы, указы и приказы.

Население обязывалось платить хану налог «ханлык». Он состоял из двадцатой части дохода. Смутьяны, поднимавшие восстание и посягавшие на верховную власть, подвергались смертной казни.

Помимо этого налога существовали другие. Кочевники – шаруа – платили зекет, согум, сыбага, бийлик. С земледельцев – жатаков – взимались ушр, тагар, бадж и харадж.

Чингизиды освобождались от дани хану и суда биев. К ответственности их могли привлечь лишь вышестоящие султаны или хан.

Бии получали за свои услуги «бийлик». Эта была договорная плата.

На совете биев присутствовало обычно порядка девяноста биев. Среди них самыми видными, кроме биев трех жузов, были: Анет-баба, Соқыр Абыз, Досай, Едыге, Сырымбет, Кабек, Даба, Есейхан, Жалган, Байдалы, Тайкельтир, Турке, Кудайназар, Байжигит, кыргызы Кокым и Тиес, каракалпаки Сасык и Кожакмет.

Тауке хан с особым почтением относился к батырам. При решении стратегических вопросов прославленные батыры принимали участие в военных советах, а в мирное время могли возглавлять посольства. Имена этих героев были у всех на устах: Акша из рода Албан, Таймас и его сын Есет из рода Тама, Калкаман из племени Аргын, Кошкар из рода Толемис, Ханкельды из рода Албан, Бокенбай из рода Табын.

По традиции предков Тауке хан приближал к себе народных сказителей – жырау. Подле него находились еще молодые, но показавшие свое мастерство

* Шақырым – расстояние, на которое доходит человеческий крик, приблизительно 1 км.

** Кулаш – мера длины, равная длине вытянутых рук, т.е. 1,5 м.

*** «Аттан!» – «По коням!»

сказители-жырау Бухар и Кожаберген. Они услаждали слух хана дивными сказаниями. Однако, если находили нужным, могли с помощью стихов намекнуть повелительно на его промахи. Не жалели они ярких сравнений и метких выражений, воспевая в соотечественниках смелость, хлебосољство, человеколюбие и высмеивая слабоболие, трусость, жадность, лень. Позже Кожаберген исполнял еще и роль писаря.

Толе-бий был назначен верховным бием (тобе бий) Старшего жуза и всего Казахского ханства, Каздауысты Казыбек – бием Среднего жуза, Айтеке-бий – бием Младшего жуза. Ежегодные курултаи проводились на холме Мартобе неподалеку от Сайрама. После гибели Сайрама они были перенесены на холм Культобе.

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Три года спокойствия дали возможность Казахскому ханству укрепиться и почувствовать силу «Семи Установлений». Отныне все тяжбы и споры разрешались биями в соответствии со статьями новых законов. Меньше стало убийств, краж и угонов скота. Зная, что враг только на время оставил казахов в покое, и главные сражения еще впереди, Тауке хан отдал батырам распоряжение проводить учения.

При ведении боя хан Тауке применял различные приемы: внезапное нападение; изматывающее врага отступление, а потом – удар из засады. Применял он и ложные ходы: несясь на противника, вдруг рассыпаться в стороны, как просо, а затем налететь вновь на обескураженного врага и, смешав его строй, посеять панику; заманить в труднопроходимые места и уничтожить поголовно. Использовал Тауке хан и опыт Чингисхана. Встречаясь на открытом пространстве, бой начинали лучники, которые издали, со всех сторон осыпали стрелами врага. Цель – расстроить ряды противника, выбить из-под воинов лошадей. По-монгольски это называлось «тулугма», казахи переименовали в «толгама». Было еще средство: использование железных шипов. Они представляли собой четыре шипа на одном основании. Ими перед битвой усыпали поле боя. Кони противника на скаку наступали на шипы и не могли скакать дальше.

Год зайца (1687) принес скорбную весть из Хивы: хан Ануш-Мухаммед «закрыв на замок двери брэнного дома и отправился в дом вечности». В Хиве начались кровавые игры в ханов. За последующие тринадцать лет на ее престоле сменилось десять правителей. Одного из них – Вали-хана, оказавшегося душевнобольным, узбеки отправили к казахам. Наверное, надеялись, что сердобольные соседи вылечат его, как они это сделали когда-то с калмыком Ончоном.

Ойратские войска, оставленные Галданом в присырдарьинских городах, постепенно покинули их. Хан Субханкули не преминул воспользоваться этим и быстро прибрал к рукам привалившее богатство.

Тауке хан понял, что, увлеченный делами внутри ханства, он упустил свои города.

Почти десять лет сидел Субханкули на престоле, который уступил ему брат Абдул-Азиз. В первый же год его правления Тауке хан послал в Бухару Хошин-бия, чтобы наладить торговые отношения и решить вопрос о караванных пошлинах. Субханкули был велеречив и многословен, но все же дал согласие на многие предложения Тауке. С тех пор у них не было причин для разногласий.

Призвав к себе Толе-бия, хан распорядился:

– Отправляйся в Бухару. Передай от меня поклон Субханкули. Скажи ему, что негоже, подобно ворону, подбирать то, что выпало из клюва сокола. Пусть вернет города на реке Сыр и наших людей, которые попали в плен к калмыкам. Калдан-Бошокты хан не сегодня-завтра нагрянет вновь. Я знаю, что бухарская армия состоит из наемных воинов из разных стран. Как можно на них полагаться? У нас же крепкое, хорошо обученное и вооруженное войско. Мы сможем остановить жонгаров. Если Субханкули не согласится на мое предложение, значит, он заодно с Калданом. Также договорись о том, в какие дни и какой скот поставлять нам на бухарские и самаркандские базары.

Хан Бухары решил с Толе-бием вопросы, касающиеся торговли, и оставил на потом вопрос о возврате городов Казахскому ханству.

Тогда хан Тауке самолично посетил его ставку в Бухаре.

Он проехал, не спеша, по тесным улицам старинного города. Они кишели разношерстной публикой. Были здесь узбеки и таджики в полосатых халатах, туркмены в мохнатых шапках, персы с бородами, выкрашенными хной, «кызылбаши»*. Нередко встречались казахи, кыргызы и каракалпаки. Проехал хан и по индийскому кварталу, где жили индусы-торговцы. Здесь пахло благовониями. Вплетаясь в аромат многочисленных шашлычных, запах их кружил голову. Тут и там мелькали муллы и имамы в белых чалмах. Тенями проносились женщины в паранджах. Велик был соблазн свернуть в сторону базара, манившего своей пестротой и неумолчным шумом, но Тауке хан сдержался. Сопровождавшие его батыры проследили за взглядом хана и переглянулись. Они тоже были не прочь окунуться в этот яркий мир, потолкаться по рядам с лавками и лотками.

Субханкули выглядел неважно. За его спиной плели интриги вожди узбекских племен – эмиры и беки, мечтавшие свергнуть власть аштарханидов. Не давали покоя хивинцы своими набегами. В любой момент мог выйти из подчинения Балх, который узбеки благоговейно называли «Купол ислама». А недовольство народа правлением хана выражал в стихах поэт Турды: «Побором, воровством и тысячами бед он разорил страну, затмил в ней солнца свет. Есть деньги или нет, одет ты иль раздет, плати ему налог вперед на много лет».

Никто не знает, о чем говорили два монарха, уединившись во дворце. Но в результате этой беседы Субханкули согласился вернуть Казахскому ханству его города.

Пользуясь уходом галдановских наместников, на свои кочевья по рекам Чу и Талас возвратились люди Старшего жуза.

Тем временем Галдан наблюдал за стычками между правителями Халхи. Так барс из зарослей следит за дракой двух кабанов. И, дождавшись, когда оба, истекая кровью от нанесенных клыками ран, потеряют силу, он бросается на них.

В год дракона (1688) ойратская армия во главе с Галданом разгромила у озера Олохор-Нур войска Чихун-Доржи хана. Джунгарский хан объявил себя правителем всей Халхи.

Десять лет назад, когда в ставке Галдана внезапно умер сын Сэнгэ Содном Рабдан, опекуны почуяли неладное и увезли другого его сына, Цеван Рабдана

* Кызылбаши* – «красноголовые», иранцы тюркского происхождения, носившие на голове белую чалму с двенадцатью красными полосами, обозначавшими двенадцать шиитских орденов.

в Уч-Турфан, что в Восточном Туркестане. Если б Галдан-Бошокту хан был более прозорливым, он бы избавился тогда и от второго племянника.

Пока дядя находился в Халхе, Цеван Рабдан ворвался в оставленную им ургу, взял в плен его жену и детей с челядью и ушел, гоня перед собой несметное количество скота. Это был точный, рассчитанный удар с тыла. Положение Галдана пошатнулось.

Тауке хан смекнул, что лучшего момента для нападения на джунгар найти трудно. Был брошен боевой клич, и в считанные часы собралось многотысячное войско. Хан сам возглавил его. Армия Галдана, посланная на защиту своих границ, не смогла дать отпор и понесла огромные потери. Казахской дружине удалось освободить от калмыков земли Старшего жуза.

Но главным противником Галдана осталась цинская империя, и потому он вынужден был искать поддержки у могущественного соседа – России. Он не учел того обстоятельства, что «хитрая лиса» Канси уже проторил тропу к русскому царю Петру Первому.

Посол России Федор Головин сначала обнадежил джунгарского хана, но потом подписал в Нерчинске договор, по которому Казахское ханство должно было отойти к России, а Джунгария – к Китаю. И если русские не спешили присоединить к себе «киргиз-кайсацкие» просторы, то китайцы уже потирали руки, предвкушая отхватить лакомый кус. А тут еще халхасские ханы обратились к императору Канси за помощью. Памятуя о том, что лучшая защита – это нападение, в самый разгар лета в год лошади (1690), Галдан во главе двадцатипяти тысячного войска атаковал такую же армию цинов у озера Ологой. Войско китайского военачальника Арани потерпело поражение. Это положило начало семилетней ойрато-цинской войне.

Месяц спустя в местности Улан-Бутун вблизи Пекина состоялось генеральное сражение. Во главе стотысячного войска китайцев стоял сам император. Цинская армия, вооруженная пушками и прочим огнестрельным оружием и почти втрое превосходившая по численности войско джунгар, оказалась не в состоянии разбить ойратское войско.

Несмотря на это, в следующем году нойоны Халхи на своем съезде приняли решение взять подданство Цинской империи. Галдану был нанесен еще один удар.

КАЗАХСКО-СИБИРСКИЕ СТРАСТИ

Джунгарское ханство еще при царе Алексее Михайловиче находилось в дружественных отношениях с Россией. Правда, Галдан был занят войнами с соседними странами и вспомнил о России только тогда, когда потребовалась ее помощь. К этому времени у власти уже стоял царь-реформатор Петр Первый. Аюка-хан оказался более дальновидным и даже стал его преданным вассалом. Он поставлял свои летучие конницы во многие походы Петра, отсылал ему богатые подарки. В свою очередь, царь снабжал калмыцкую армию огнестрельным оружием. С Китаем Петр Первый тоже наладил торговлю, а Казахское ханство русский царь рассматривал как территорию для выхода на афганские, китайские и индийские рынки.

Хана Тауке такое положение дел не устраивало. Пример Аюки его тоже не вдохновлял. «Склоненную голову меч не сечет» – это так, но никогда еще ка-

захские ханы не были ни у кого в подчинении. И Тауке не собирался изменять вольному духу предков. Он хотел сохранить суверенность своего ханства и на равных иметь с Россией торговые отношения.

В год зайца (1687) в казахских степях случился джунт. Падеж скота привел к голоду. Чтобы как-то облегчить страдания народа, Тауке хан освободил его на три года от выплаты дани «ханлык».

Затем он отправил в Тобольск посольство во главе с Ташим-батыром, чтобы пригласить русских купцов с мукой и другим продовольствием. Однако оно было встречено там настороженно, так как накануне приграничные казахи ограбили купеческий обоз.

Три года спустя с той же целью было послано к тобольскому воеводе новое посольство. Но послы Сары-бий и Кельдей-батыр неожиданно были взяты в плен. Так случилось, что накануне степняки опять отличились: разорили острог Тарханский и село Воскресенское. Казахский хан посчитал эту причину не такой уж солидной, так как разношерстное население станиц тоже не гнушалось подобного рода разбоем. И потому в следующем году в Тобольск прибыло еще одно посольство во главе с Кабай-бием. Тауке хан предлагал освободить пленных и забыть обиды. Посол вернулся ни с чем. Оказалось, что тесть Кельдея Турке-бий решил отомстить за пленение зятя и, возглавив вооруженный отряд, напал на слободы Утяцкую, Ялуторовскую и Царево Городище, угнал скот и двести человек пленных.

Осенью того же года Тауке хан решил снова испытать судьбу, и бии Кабай и Туманши тронулись в путь. Они везли русским подарки и позволение своего хана впредь расправляться с грабителями по своему усмотрению. Однако пленных опять не освободили, и Турке-бий продолжал бесчинства. Его отряд даже пытался захватить приграничные крепости.

Терпение Тауке хана достигло предела. Несмотря на то, что Турке был известным бием, принимавшим участие в Бийском совете, хан вызвал его на крупный разговор.

Тот явился, одетый в темный бешмет. На широком ремне из сыромятины висел персидский меч – семсер – в отделанных серебром ножнах. С другой стороны красовался короткий нож.

– Я думал, ты – бий, а ты, оказывается, батыр, – усмехнулся хан.

Все знали, что такая усмешка – предвестие бури. Но Турке, избалованный почестями последнего времени, не обратил на это внимание.

– Таксыр, я – бий, когда требуется спор разрешить, и батыр, когда надо за родича отомстить! – отвечал он горделиво.

– Ты мстишь за одного родича, а мне приходится расхлебывать за всех вас! – глаза Тауке недобро сверкнули. – Нападать на мирных людей, убивать их и уводить скот, – это не та удаль и отвага, что красит батыра. Это – занятие презренных разбойников! Когда бий становится разбойником, что говорить о других?

– Перед лицом врага я – такой же казах, как и все, таксыр, – сказал Турке упрямо. – Говорят, когда у времени повадки лисы, превратись в гончую.

– Не-ет! – повысил голос хан. – Во все времена ты – прежде всего, бий, тот, кто судит преступников и является хранителем закона. И это не должность, это – твоя сущность! – хан чеканил каждое слово, точно вбивал гвозди. – И с каких это пор

бий решает вопросы с другими странами?! Еще со времен предка моего Касыма это было правом только хана! Разве мы не закрепили его в Жеты Жаргы?

Последние слова хана заставили Турке опустить глаза.

– Такова твоя благодарность за то, что я возвысил вас, биев?

Хан замолчал и перевел дыхание.

– Я послал в Тобол уже третье посольство. И собираюсь послать еще. Если хочешь, чтобы твоего родича освободили, прекрати свои набеги! Иначе... иначе Совет биев будет судить тебя, как злостного нарушителя наших законов!

Турке-бий обещал, что больше его имя не потревожит слух хана и сдержал обещание. Однако в это время появились конокрады и грабители, которые, прикрываясь его именем, стали нападать на русские остроги. Запятнанное имя Турке стало щитом для разбойников и среди других народов. Каракалпаки и волжские калмыки тоже зачастили к русским границам.

Через год к Тауке хану прибыли из России послы Андрей Неприпасов и Василий Кобяков. Целью их приезда была просьба о прекращении набегов на сибирские станицы. Между делом они сообщили скорбную весть: скончался от болезни Сары-мырза. Горечь и гнев разлились в сердце хана. Он велел запретить послов в качестве аманатов*, но освободил двух плененных когда-то сибирских казаков.

В это время вошел во вкус султан Казый, разбойничавший во главе отряда каракалпаков.

Воевода Тобольска Алексей Головин организовал группы для борьбы с грабителями. У озера Семискуль отряд русских вступил в бой с кочевниками. Стояло знойное лето. Но тут вдруг пошел сильный дождь, у отряда сломалась телега с порохом, и он был вынужден сражаться в открытой степи против трех тысяч казахов. Из трехсот ополченцев уцелело только четырнадцать, да и те были взяты в плен. После этого поражения воевода усилил караулы в острогах и сторожевых станицах. В Петербург был послан новый рапорт, в котором Головин, не жалея красок, описывал разбои казахов. Возможно, Тауке хану пришлось бы воевать еще и с русской армией, если б Петр Первый не был занят Азовским походом в войне с турками.

Хан послал за Казыем. Но тот ослушался и не явился. Более того, хану сообщили, что он нагло разгуливает со своей шайкой подле Туркестана. Тогда Тауке хан отправил вооруженный отряд на расправу с ослушником. Только после этого султан утихомирился и прекратил свои разбои.

Тауке хан в сопровождении нескольких толенгутов ехал по ущелью. Стояло начало осени. Холмы побурели от обильных дождей. Березы, росшие вдоль речки, яркими желтыми пятнами выделялись на фоне краснеющего по склонам боярышника. Никто не знал, куда едет хан. Да он и сам не ведал того. Хан просто давал волю своему бело-сивому, подчиняясь лошадиной натуре безошибочно угадывать настроение хозяина. Отбросив все мысли, хан словно сливался с окружающей его природой. В таких прогулках к нему неожиданно приходили самые лучшие решения. Вот и сейчас вдруг сами собой потекли строки письма к русскому начальству в Тоболе:

«Со времен предка нашего Адама неслыханное это дело – пленить послов за проделки грабителей. С незапамятных времен на казахской земле установи-

* Аманат – заложник.

лась традиция, по которой послы были неприкосновенны. Их даже нельзя было оскорблять словом, и они могли не носить оружия. Я вынужден был задержать ваших посланников, так как вы не отпустили мырзу Кельдея. Его родственники очень встревожены тем, что у вас в плену скончался мырза Сары... Мной наказан султан Казый, который водил своих людей на ваши аулы. Я сторонник того, чтобы каждый мирно жил на своей земле. И мы могли бы поддерживать с вами мирные торговые отношения... ».

Вернувшись в ставку, Тауке хан продиктовал писарю Майлы послание к русскому царю. Перечитав письмо, он приложил перстень-печать, который носил на большом пальце. Четко проступили буквы: «Таукель Мухаммед Батыр хан».

Некоторое время хан раздумывал, кого послать в пятое посольство к русским. Хорошо бы отправить кого-нибудь из трех главных биев. Они великолепно вели переговоры. Казыбек-бий уже участвовал в трех посольствах к ойратам. Айтекебий прекрасно справлялся с делами в Хиве. Толе-бию хорошо удавалось решать вопросы с Бухарой. Но хан опасался, как бы их не задержали в Тоболе. Он очень дорожил своими шешенами. Наконец, Тауке хан остановил выбор на Тайканыр-батыре, который был отважен, сметлив и не лез за словом в карман. Кроме письма от хана посол вез в Сибирь две превосходные бобровые шкурки и два больших тюка с бухарским товаром. С ним поехал торговец Алсеит.

В ожидании их возвращения потянулись бесконечные дни. В лучшем случае требовалось полтора месяца, чтобы съездить в Сибирь. Тауке хан, страстно любивший лошадей и знавший в них толк, в этот раз посетовал на то, что у них нет крыльев.

Тайканыр-батыр и Алсеит вернулись через долгих пятьдесят пять дней. Но вести были обнадеживающими. Алсеиту удалось выменять коленкоровые, шелковые и хлопковые ткани, а также ювелирные украшения на расписную деревянную посуду и отменно выделанную кожу, часы и зеркала.

Вскоре воевода Тобольска с почетом отпустил Кельдея на родину. Однако сопровождавшие его послы Матвей Трошин и Федор Скибин с самого начала повели себя высокомерно.

Тауке хан принимал посланников в своей ставке в Туркестане. Он сидел на троне в торжественном наряде, в котором обычно встречал посольства.

Правитель Казахского ханства попросил послов зачитать царский наказ. Матвей Трошин отвечал на это:

– Как мы начнем наказ читать и про наших государей здравие ему, Тевкихану, объявлять, и он бы, Тевкихан, встал и слушал без шапки.

Тауке хан нахмурился.

– Встать я не могу, так как у меня ноги болят, а шапок у нас не снимают, и даже на намазе стоят в шапках, – произнес он спокойно.

Послы переглянулись, и Федор Скибин заметил:

– А вот у турецкого султана да персидского шаха царский наказ слушают без шапок и стоя.

– А чем они, турецкий султан и персидский шах выше меня, казахского хана? – ответил насмешливо хан.

Матвей Трошин крикнул в кулак и стал зачитывать наказ. В нем была изложена просьба освободить послов Неприпасова и Кобякова. А кроме того – всех русских людей, которые попали в плен в прежние времена. Просьба эта звучала как приказ.

– А кто выплатит кун за умершего в ваших краях Сары-бия? – вскипел хан. – Да будет известно вам, что по нашим законам за смерть бия полагается платить в семикратном размере! А еще есть двойной кун на кости, потому что родичи не смогли отдать покойному последнюю дань – похоронить по обычаям предков...

Послы начали было говорить, что, мол, не следует свои законы распространять за пределы царства, но хан стоял на своем.

Кончился спор тем, что Тауке хан запер дерзких посланников тобольского воеводы. Позже они бежали с помощью бухарца Султанаева в Хиву. Там беглецы скрывались под видом ногайцев и вернулись на родину только три года спустя.

Тауке хан решил отложить переговоры с Россией до лучших времен.

«МЫ – НЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ»

В конце лета в год мыши (1696) цинская армия захватила ургу Галдана на реке Керулен в Халхе. Против тридцатипяти тысячной армии полководца Бе Фяньгу джунгарский хан сумел собрать лишь около шести тысяч и потерпел поражение. Император Канси приказал возить его плененного ханского сына по Пекину в клетке. Это известие совсем подкосило Галдана. В марте следующего года в урочище Ача-Амтатай Галдан-Бошокту хан занемог и умер. Поговаривали, что джунгарский хан свел счеты с жизнью, приняв яд.

Когда с грозным Галданом было покончено, китайский император сказал: «Смерть Галдана – это помощь, ниспосланная нам Небом». Он пытался без крови подчинить себе Джунгарию, но новый правитель оказался крепким орешком.

Перед Цеваном Рабданом, чье имя означало «Прочный Владыка Жизни», стояла серьезная задача – восстановить потери, понесенные Джунгарией в результате семилетней войны с цинами. Более пятидесяти тысяч воинов осталось лежать на полях сражений. Халха была потеряна, Куконон признал власть Китая. Вдобавок ко всему на второй год правления нового владыки у джунгаров случился джут. Все эти события заставили его ополчиться против ближайших соседей.

Была еще одна причина, по которой Цеван Рабдан решил начать войну с Казахским ханством.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как сын Тауке хана Гаип был в плену у джунгар. Хан послал к хунтайджи послов с просьбой вернуть ему султана. Цеван Рабдан договорился с тибетскими ламами, и Гаип вернулся на родину. К нему джунгарский правитель приставил охрану из пятисот воинов.

Султан неузнаваемо изменился за время, проведенное в Лхасе. Он одевался как лама и говорил непонятные вещи. Престарелая ханша плакала от счастья, обнимая сына.

– Цел, цел, светоч мой! – шептала она, ощупывая его руки, плечи. А Тауке с ужасом смотрел на этого чужого человека. Первым его желанием было схватить сопровождавших Гаипа джунгар и бросить вызов... но кому? Галдан, пленивший султана, уже мертв. А Цеван Рабдан ходит в благодетелях. Как же, ведь это он возвратил хану сына.

– Погаси свой гнев, мой господин. – сказала ханша. – Я уже не чаяла увидеть Гаипжана. Благодарение Аллаху. Отпусти этих людей. Лучше сделаем жертвенный обед.

Хан отдал приказ батыру Сырымбету «выбросить ойратов за пределы казахских земель». Но у самой границы Сырымбет допустил непростительную оплошность. «Тут осталось-то всего ничего, – подумал он. – Ведут они себя смирно».

– Дальше идите сами, – сказал Сырымбет нойону и пригрозил: – Но только попробуйте что-нибудь выкинуть, – всех перережу! Останетесь здесь ворон кормить.

Нойон поклялся, что и «мухи хасакской» не обидит. Едва отряд Сырымбет скрылся за ближайшим холмом, как ойраты напали на приграничное кочевье, перебили людей, ограбили и взяли в плен молодых девушек и джигитов. Чудом уцелевший сын местного бия нагнал отряд батыра. Вне себя от ярости Сырымбет бросился вдогонку ойратов, настиг их и истребил всех до единого.

Это происшествие и слух о великой скорби хана по поводу «испорченного сына» вызвали у народа гнев и возмущение. Вооружившись, люди стали нападать на караваны джунгар, грабить их и уводить людей в плен. Тауке хан не стал призывать народ к порядку. Он и в самом деле пребывал в скорби и печали.

В год барса (1698) войска Цевана Рабдана общей численностью сорок тысяч воинов напали на казахские кочевья по рекам Чу и Талас, разорили их и увели в плен более десяти тысяч человек.

На расширенном курултае выступил Айтеке-бий. Он обратил свою речь к именитым баям и торе:

– Хоть вы и богачи, а народ к праведной жизни не привели. Все султаны и торе погрязли во взятках. Несчастен народ, лишившийся кормилицы-земли. А враг коварен и никого не жалеет. Правители родов должны создать постоянные вооруженные отряды и народные ополчения. А военные посты надо сосредоточить поближе к опасным границам. Не вступая ни в чье подданство, следует закупить в досталь современное оружие. Все баи, султаны, торе и родоначальники должны быть обложены данью в виде лошадей, верблюдов, шерсти, шкур для обмена на ружья и пушки. Армии нужен единый военачальник, сардар... Если мы не предвидим и не предупредим все беды-напасти, народ нас не простит...

Ни одному из султанов не понравилось это горячее воззвание. Его поддержали только хан и некоторые бии, среди них были Толе и Казыбек.

– Пусть округа врагами полна, лишь бы середка была сильна, – начал Толе-бий. – Айтеке-ага высказал дельные предложения. Вместо того, чтобы принять их, вы противитесь. А если разобраться, кто жертвует больше, «ак суйек» или «кара суйек»? Ведь от вас требуется только малая доля богатства, тогда как бедняку нечего дать, кроме своей жизни. И он не пожалеет ее, когда выйдет на поле брани!

– Верно! – раздался звонкий голос Казыбек-бия. – Не кичиться своей знатностью следовало бы нашим уважаемым таксырам, а подумать о том, что будет с нами завтра. Сейчас, когда жонгары ощерили на нас свои волчьи пасти, важно, во что бы то ни стало сохранить завещанную предками землю. Сын не рождается, чтобы стать рабом, дочь не рождается, чтобы стать рабыней. Каждый миг мы должны помнить, что тысячи наших сестер и братьев влачат рабскую жизнь у Сыбан Раптана! Брат мой, Айтеке, я говорю на твои слова: «Аумин!».

У Тауке хана было правило внимательно выслушивать всех выступающих. Вот и сейчас он взял заключительное слово:

– Бий Айтеке, в твоих жилах течет кровь славного рода Алшын. Брат твоего деда Акши Жалантос-батыр был непревзойденным полководцем, – сказал Тауке

хан. – И сегодня ты показал, как должен мыслить настоящий военачальник. Верно, рано или поздно калмыки возьмут нас за горло. Я поддерживаю предложение бия о серьезной готовности к решительным боям. Но не будем сыпать соль на раны обид. Не будем разжигать костер ссор. Это только на руку нашим врагам. В каждом споре есть зерно истины. Сумеет же отыскать это зерно среди сора плевел. Отыщем и взрастим.

Но богачи не вняли голосу разума и не пожелали обременять себя налогами. Единую армию создать тоже не удалось.

Айтеке-бий принял близко к сердцу то, что ему не удалось убедить высокое собрание в своей правоте. Вскоре он заболел и, поняв, что дни его сочтены, уехал на родину в предгорья Нураты. Спустя полгода славный бий Младшего жуза покинул суетный мир. Он был нестар и мог еще долго служить своему народу разумным острым словом. Смерть его легла тяжким горем на плечи казахов.

Умирая, Айтеке-бий оставил потомкам мудрые наставления и благословления: «...Край родимый – святыня... Одинокое дерево – не лес, одинокий храбрец – не воин... Молод или стар – с народом будь всегда; наступит час – в земле окажется и золотая голова. Да раскинется перед вами степь ковром! Да станут верными спутниками в жизни вашей честь и достоинство!.. Тулпаром крылатым скачите далеко! Соколом бесстрашным взлетите высоко! Благословляю вас, о дети мои, надежная опора моя».

В том же году в ханстве Аюки вспыхнули междоусобицы, и шестьдесят тысяч торгоутов переселились к джунгарам. Тауке хан, не медля, организовал несколько вооруженных отрядов. Они почти одновременно нанесли удар по волжским калмыкам и по Джунгарии. Войска, в составе которых были тяньшанские кыргызы, потеснили джунгар в верховьях Иртыша.

Султаны, желавшие доказать всем, что им тоже не чужды патриотические чувства, предлагали пойти дальше. Их поддерживали некоторые батыры. «Железо куют, пока оно горячее», – говорили они.

Но Тауке хан в последнее время чувствовал упадок сил. Двоюродный брат султан Каип помогал ему в государственных делах.

– Все вы знаете пословицу: «Истинный муж просит многого, но довольствуется малым», – сказал Тауке хан на внеочередном курултае. – Мы – не завоеватели. Последняя победа наших войск показала хунтайджи, чего мы стоим. Поэтому я предлагаю договориться с ним о перемирии.

Стояла весна года овцы. Изумрудной травой покрылись равнины и холмы. В окрестностях Туркестана буйно цвели урюк, персик, айва. В степи начался окот скота. С самого восхода солнца кочевники, не покладая рук, трудились, принимая приплод. В эту благодатную пору, когда в душах людей рождаются самые светлые надежды, посол Бокей прибыл в ургу Цевана Рабдана на реке Текес.

Это был сложный для джунгарского правителя период. Русские требовали от него выдачи плененных в разные времена соотечественников. Китайский император засыпал хунтайджи посольствами, которые пытались доказать ему преимущества вассальной жизни. Накануне посещения Бокея в урге побывал очередной посол от Канси по имени Баочжу. «Спроси себя, – гладко стелил он, – кто такие кукунорцы? Это славные потомки Гуши-хана*. Все они, управляя своим народом, мирно проживают в своих кочевьях. Неужели они хуже тебя?»

* Гуши-хан – титул, который даровал хошоуту Туру-Байху Далай Лама.

Благоговая перед безграничными добродетелями святейшего государя, они признали над собой его верховную власть, приняли титулы и достоинства, получают жалованье и благоденствуют».

Внутренние дела в Джунгарии тоже обстояли не лучшим образом. В любой момент могли восстать торгоуты, жившие на положении рабов.

Видимо, взвесив все эти обстоятельства, Цеван Рабдан согласился на заключение мира с Казахским ханством.

И снова выдалось затишье. Народ оправился от лишений последних лет и прославлял своего хана. Такова мудрость народа – он живет одним днем. «Каждый новый день Бог дает каждому рабу своему причитающийся ему рыздык*», – говорили старцы. – Принимай этот рыздык и благодари Бога. А когда придут испытания, осилим их вместе со всеми».

В год кабана (1707) в России донской казак Кондратий Булавин поднял восстание. Два года спустя восстание было подавлено карательной армией царя. Уцелевшее казачество рассыпалось в разные стороны. Многие бежали на берега Едилы и Жаика. Беглые казаки стали совершать набеги на кочевья волжских калмыков и казахов. Они разоряли их, угоняли скот.

Казахи называли непрошенных гостей «карашекпен» – «черный халат», так как они, уподобляясь горцам Кавказа, носили черные черкески.

Тауке хан решил наказать новоявленных разбойников. Возглавить это нелегкое дело он думал поручить молодому хану Младшего жуза Абулхаиру. А вот кого дать ему в подмогу из батыров? Все больше и больше восторженных откликов слышал хан о молодом батыре Богенбае из рода Канжыгалы. Проявил он себя и в последних боях против войск хунтайджи, и в мелких стычках с ойратами, которые нет-нет да случались.

Когда молодой батыр явился в орду, хан невольно залюбовался рослым крепким красавцем. Каково же было удивление Тауке хана, когда он узнал, что Богенбай – сын Акша-батыра, служившего ему много лет верой и правдой.

– Поручаю тебе дружину из тридцати тысяч сарбазов, – сказал хан батыру. – Хан Абулхаир будет рядом, но основная ответственность лежит на тебе. Лучший батыр не тот, кто может саблей размахивать да стрелы метко пускать, а тот, кто может повести за собой войско. Тридцать тысяч джигитов, как один, будут смотреть тебе в рот и по первому кличу бросятся туда, куда ты прикажешь! – при этих словах усталые глаза хана молодо блеснули.

Его задор передался Богенбаю. Он давно мечтал об этой встрече, и теперь испытывал благоговение. Неужто это не сон, и перед ним стоит сам Аз-Тауке хан, о мудрости которого он слышал с детства? Конечно, ему не раз приходилось видеть правителя издалека, но вот так беседовать с глазу на глаз...

– Это не приказ. Если не готов к такому делу, я тебя не неволю, – прервал его мысли хан.

Богенбай преклонил колено и прижал руку к груди:

– Готов, мой повелитель!

* Рыздык – хлеб насущный.

Абулхаир-хан и Богенбай-батыр блестяще справились с заданием. Карашекпены, побросав свои жилища, бежали на другой берег Едиля.

Тауке хан, вспоминая выступление покойного Айтеке бия, теперь все больше укреплялся во мнении назначить батыра Богенбая сардаром единой казахской дружины. Но каков он в обращении с равными себе? Может ли отстоять собственные позиции? Чтобы узнать это, требовалось время.

А тут опять поднял голову змей Цеван Рабдан.

Усобицы среди уйгурских беков Яркенда и Кашгара позволили джунгарскому хунтайджи взять Восточный Туркестан, совершить успешное вторжение в Тибет и начать спор с Китаем за обладание провинцией Хами. Эти успехи придали хунтайджи уверенности, и он вновь принялся за ближайших соседей.

«Первым делом нам надо разбить хасаков, – говорил он своим военачальникам. – Они такие же, как мы, кочевники. С равными сражаться труднее всего. А бухарцев мы возьмем играючи. У них ведь даже ханская гвардия состоит из наших ойратов».

По всей казахской земле вновь потянулись вверх столбы густого дыма над башнями, возвещая о нападении врага. Полчища джунгар с диким гиканьем вторглись в мирные кочевья. Крики: «Аттан!», вопли женщин, плач детей. Горькая картина войны.

Цеван Рабдан лично возглавил свою армию. Несколькими клиньями она расползлась по южным кочевьям. Возглавляемые батырами Богенбаем Канжыгалы, Тама Есетом, Бокенбаем Караулы из рода Табын отряды казахского ополчения встречали их яростным отпором. Эти битвы были боевым крещением юного Шакшак Жанибека.

Весть о вторжении ойратов на земли казахов вызвала панику бухарского хана Убайдуллы. Он взшел на престол после смерти отца Субханкули в год лошади (1702). Эмиры обратились к хану с просьбой «укоротить дерзкие руки наглых злоумышленников, посягающих на заповедные страны мусульман...». Убайдулла собрал войско и двинулся к Самарканду. Однако вскоре ташкентские ходжи уведомили его, что «злополучные гяуры-калмыки, подобно разлившемуся потоку, устремились на казахские аулы и, блеснув страшной грозой, вернулись в свои становища». Бухарский хан не поверил им, подозревая в коварстве, и отправил посла к казахам.

Оказалось, что ташкентские ходжи не кривили душой. Цеван Рабдан и в самом деле неожиданно развернул свои войска и покинул казахские земли. Причиной послужила весть о скоплении войск цинской армии у границ Джунгарии.

КУРУЛТАЙ В КАРАКУМКАХ

Тауке хан сидел, задумавшись, в своей орде.

Наступали тревожные времена. Было ясно, что Цеван Рабдан лишь на время оставил казахов. Власть хана Убайдуллы очень шаткая. Если с ним еще можно было поладить, то неизвестно, как повернутся отношения с новым бухарским правителем. Катаган Махмуд-бий, что правит в Балхе, может вспомнить о том, как дед Тауке, хан Есим когда-то истребил почти весь род катаганов. В Хиве про-

долгается кровавая свистопляска. Кто у них сейчас ханом-то? Даже не упомнишь, меняются каждые год-полтора. Тут еще Коканд входит в силу. Не успел опереться, а туда же: смотрит вокруг алчным глазом. Но все же главная опасность исходит от калмыков... Неужели придется просить помощи у русских?

Из груди Тауке хана вырвался тяжелый вздох. Надо проводить курултай. Пусть народ решает, что делать дальше.

В год барса (1710) осенью состоялся расширенный курултай в Каракумах.

Вся казахская знать собралась на это важное сборище. Ханы трех жузов: Абилямбет, Самеке, Абулхайр; султаны и торе со всех улусов; девяносто биев, во главе которых были Толе, Казыбек, Кокым, Сасык, Мухаммед; известные батыры: Акша, Есет, Богенбай, Бокенбай, султан Барак, Кокжал Барак, Ханкельды, Калкаман, Кабанбай; сказители Бухар и Кожаберген. Все прибыли с советниками, нукерами, слугами. Тридцатистворчатая белая орда, вход которой смотрел на восток, не вмещала всех прибывших. Народ толпился и снаружи. Сборище гудело, как потревоженный улей.

Тауке восседал, как всегда, на своем троне в самом центре напротив входа. Вокруг него сидели ханы и знатные султаны на белых кошмах. Дальше, согласно иерархии, расположились бии, старейшины племен, родов и баи. Ближе к двери теснились батыры. Все, кроме батыров, были одеты в подходящие случаю расшитые позументом и бисером чапаны и бешметы. Сабли, мечи и кинжалы, в отделанных серебром и инкрустированных перламутром ножнах покоились на коленях собравшихся. Головы украшали нарядные раздвоенные колпаки и тюбетейки. Батыры были в доспехах и во всеоружии.

Курултай открыл хан Старшего жуза Абилямбет и предоставил слово хану Тауке.

Правитель рассказал всем причину этого сбора.

– А теперь мне хотелось бы знать, что вы думаете по поводу нашего нелегкого положения, – закончил хан и откинулся назад, поглаживая бороду и зорко наблюдая за впечатлением от своей речи.

Сначала по кругам собравшихся пробежал шорох. Объединившись по двое, по трое, люди перешептывались, делясь мнениями. Потом шепот перешел в гул. Наконец один за другим стали выступать султаны и баи.

Один предлагал влиться в Бухарское ханство. Другой считал верным просить помощи у русского царя. Третий пролепетал, что придется покориться ойратам. С каждым новым выступлением хан Тауке становился все мрачнее.

«Неужели это то, к чему я столько лет вел мой народ?! – с ужасом думал он. – Почему молчат бии? Видимо, они тоже нынче решили выжидать, как и я. А батыры... что они там лопочут? О Создатель, сделай меня глухим!»

Тут до слуха его донесся зычный не по годам голос батыра Богенбая.

– О собратья мои! Слушаю я вас, и боюсь, что уши мои отвалятся. Речи ваши подобны трусливому вою шакалов. Когда это наши кыпчакские степи покорялись врагам?! Неужто на коней наших мор напал, а секиры и сабли наши затупились? Или опустели колчаны с острыми стрелами? Даже не натянув тетивы лука, вы готовы стать рабами контайши! Слыхано ли такое?!

Горькие слова Богенбая поразили в сердце каждого.

Лицо Тауке хана разгладилось от морщин, в уголках глаз засверкала непрощенная слеза.

– Слушайте меня! – воскликнул Богенбай, обводя собравшихся горящим взором. – Я буду драться с ойратами до последней капли крови! Кто согласен пойти со мной, точите свое оружие и готовьте боевых коней!

Последние его слова потонули в возгласах: «Правильно! Молодец!». Батыры стали выкрикивать клич: «Богенбай!» Настроение собрания, как поток, повернулось в новое русло. Та истина, что искрой взметнулась из речи батыра, зажгла костер отваги в сердцах даже самых нерешительных.

Молчавший до сих пор Тауке хан поднял руку, призывая к тишине.

– Недаром говорят, что лучший из батыров может быть бием, – произнес он. – Народ, у которого есть такой батыр, как Богенбай, сын Акши, выстоит перед любым врагом!

– Верно! Так и есть! – раздалась отовсюду возгласы.

– А раз так, я назначаю батыра Богенбая главным сардаром единой казахской армии!

Гулом одобрения была встречена эта воля хана. Взволнованный батыр пал на колени и приложил руку к груди: «Слушаюсь, мой повелитель!».

Все собравшиеся торжественно поклялись защищать границы родной земли, пока бьется в груди сердце.

По распоряжению Тауке хана были заколоты жертвенные животные. Слуги заметались, разжигая огонь под огромными казанами.

Когда мясо поспело, участники курултая собрались в орде и расселись вокруг дастарханов. Ходжа прочитал молитву, и все приступили к трапезе. Наверное, никогда прежде эти люди не сидели так дружно, забыв о своих сословиях, объединенные одним общим порывом.

«БУДЬТЕ ЕДИНЫ...»

Богенбай батыр оказался прирожденным полководцем. Вначале он создал отдельные отряды, назначил сотников и тысячников из числа известных батыров. Затем провел ряд боевых учений.

В последующие два года казахская дружина одержала одну за другой несколько побед над джунгарскими войсками.

В Джунгарии это время совпало с сильнейшей засухой, которая привела к неурожаю и голоду. Зимой случились сбивающие с ног снежные бураны. Они заносили трупы павших от голода людей и животных.

В год змеи (1714) казахи совершили очередное нападение на джунгар, но оно оказалось неудачным. Цеван Рабдан, оправившись от потерь, напал на кыргызские кочевья. Подчинив себе несколько сот семей, хунтайджи использовал их в войне против казахов.

В год зайца (1711) бухарский хан Убайдулла был свергнут и убит эмирами. Его место на троне занял султан Абулфеиз. Как оказалось, он стал последним правителем из династии аштарханидов. Новый хан продолжил борьбу против соседних узбекских ханств – Хивы, Балха и Коканда. Но при нем она приобрела еще более зловещие черты.

Моголистан находился во власти Цевана Рабдана.

Царь Петр сделал Россию могущественной державой. Он все еще был занят западными и южными соседями. Настанет день, когда старший переводчик и

дипломат А. Тевкелев напишет: «... по возвращении из персидского похода... государь император Петр Великий изволил иметь желание для своего отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых, и в тогдашнее время почти неизвестных, киргиз-кайсацких орд в Российское подданство, и оное свое монаршее особое намерение имел меня, низжайшего, к тому употребить... чтоб одним листом под протекцией Российской империи быть обязались».

А пока основным врагом казахов оставались все те же джунгары.

Между тем, по-кошачьи ступая, подкралась к Тауке хану старость. Вместе с нею пришли болезни и немощь. Все дела в ханстве вершил от его имени султан Каип. Сыновья хана оказались неспособными заменить отца на троне. Только один из них – Самеке – был на ту пору ханом Среднего жуза.

Султаны, бии и батыры посещали Тауке хана, справляясь о здоровье. Бии тешили повелителя забавными случаями из своей жизни, засыпали его сердечные раны целебным порошком из мудрых басен и изречений. Чаше других появлялись в ханской орде бии Толе и Казыбек. Тауке хан любил их, как братьев. Сказители, певцы и кюйши чередой шли перед правителем со своими сказаниями, песнями и кюями.

Тауке хан теперь часто проводил время в раздумьях о своей жизни. Все ли он сделал для родного народа? Может быть, что-то упустил, чего-то недоглядел? Увы, жизнь, как и реку, невозможно повернуть вспять...

До самых последних дней Тауке хан не переставал интересоваться государственными делами. Как-то он сказал младшим ханам и Каипу, что одолеть калмыков им поможет только Россия.

В год овцы (1715) Тауке хан завершил свой жизненный путь. Когда близкие и родные столпились вокруг умирающего, чтобы услышать его последнюю волю, он произнес в конце своего завещания: «Будьте едины...» Во всех племенах и родах, в каждой юрте передавали эти слова. И все дивились тому, что до самой смерти этот великий человек оставался правителем.

Тауке был последним верховным ханом казахов. Дело объединения Казахстана, которому он посвятил всю свою жизнь, после его смерти дало трещину. Казахское ханство вновь распалось на три жуза со своими ханами в каждом.

Но призыв великого законодателя к единству остался заветом будущим поколениям. Эта наивысшая истина, которая лежит в основе любого правления, была постигнута им еще в молодости. Она помогла хану в течение многих десятилетий мудро править народом. Его имя Тауекель, данное при рождении, означает в переводе с арабского «упование, чаяние, надежда». Охватывая взором жизнь Тауке хана, можно уверенно сказать, что он оправдал все упования, чаяния и надежды, которые возлагал на него народ.

